

379.414.65(с146)

М-34

ИЗ КНИГ
Б.Н.Григорова

**Материалы по охране, ремонту
и реставрации памятников
ТССР**

III

**КАЗАНЬ
1929**

379.412.65(С146)
М-34

702

М34

Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства,
старины и природы при Академическом Центре Татнаркомпроса

третий выпуск

МАТЕРИАЛЫ ПО ОХРАНЕ, РЕМОНТУ
И РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ТССР

Казань
1929

07 АВГ 2009

ПРОВЕРИТЬ

БИБЛИОТЕКА
Н.М.
Инв. № 1712

7

Напечатано согласно постановления Музейного Отдела ТССР
Ученый секретарь П. Корнилов.

Главлит № 2381

Наряд № 3236

Тираж 500 экз.

Полиграфшкола имени А. В. Луначарского. Казань, ул. Дзержинского, 9.

и

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	IV
П. Е. Корнилов. К изучению эпиграфического резного камня болгаро-татарской эпохи	1
Н. И. Воробьев. О болгаро-татарских надгробных камнях Мамадышского кантона	11
Али Рахим. О двух татарских надгробных памятниках 17-го века	14
П. М. Дульский. Несколько слов по поводу орнаментики татарских памятников XVI—XVII в.в.	22
А. С. Башкиров. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 г.	27
И. Н. Бороздин. Археологические разведки в Кремле 1. Разведка близ Киприановской церкви	37
А. В. Васильев. Последние находки восточных монет в Болгарах	41
В. В. Егерев. Графическая регистрация казанских памятников зодчества в первой половине XIX века	46
П. Е. Корнилов. Заметки по памятникам ТССР	53

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИЛОЖЕННЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ:

- Перед титулом. Надгробный памятник. (Фот. Н. П. Засыпкина).
- Табл. I—II. " " "
- „ III. Орнаментика памятников. "
- „ IV. Раскопки в Билярске. (Фот. П. Е. Корнилова).
- „ V. " в Кремле. (Фот. Ф. С. Осиповой и П. Е. Корнилова).
- „ VI. Памятники ТССР. (Фот. П. Е. Корнилова).

Содержание настоящего третьего выпуска «Материалов» Отдел по делам музеев и охраны памятников при Академическом Центре ТНKP посвящает, по примеру первого выпуска, почти целиком болгаро-татарским памятникам, заостряя свое внимание главным образом на двух моментах: 1) изучении резного эпиграфического камня, как единственного носителя древних орнаментальных начал болгаро-татарской эпохи, и 2) первоначальных результатах начатых археологических разведок на территории ТССР.

Первому вопросу посвящены статьи: П. Е. Корнилова, где автор разбирает принципиально-методическую сторону намеченных и уже начатых работ по изучению резного камня; Н. И. Воробьев—в своей заметке дает фактический материал о камнях в Мамадышском кантоне, встреченных им во время этнографических поездок; Али Рахим—публикует эпиграфические надписи двух редких для ТССР памятников 17-го века, ранее приведенных, но неполностью, Вельяминовым-Зерновым по записям историка Марджани; автор снабжает свою публикацию детальными фотографиями 1928 года. П. М. Дульский—дает этюд из области изучения орнаментики этих камней; такой же опыт представляет и небольшая заметка П. Е. Корнилова «К орнаментике резного камня болгаро-татарской эпохи».

Второму вопросу посвящены краткие отчеты А. С. Башкирова и И. Н. Бороздина—участников и руководителей археологических разведок в ТССР в 1928 году.

А. В. Васильев—дает разбор монетных находок в Болгарах, поступивших в Музейный Фонд Отдела и переданных в Центральный Музей.

В. В. Егерев знакомит с любопытнейшим фактом изучения и регистрации памятников зодчества Казани в первой половине XIX в., давая здесь крайне интересную справку, почерпнутую им во время изучения местных архивов. П. Е. Корнилов в заключительной статье—«Заметки по памятникам ТССР» дает краткую сводку о работе Отдела за прошедший год и попутно кратко знакомит с теми материалами, которые у него накопились в процессе работ по охране памятников ТССР.

Отдел за истекший год понес тяжелую утрату в своем личном составе: безвременно сошел в могилу научный работник по охране памятников природы Юрий Григорьевич Клячкин.

Редакция

К ИЗУЧЕНИЮ ЭПИГРАФИЧЕСКОГО РЕЗНОГО КАМНЯ БОЛГАРО-ТАТАРСКОЙ ЭПОХИ.

П. Е. Корнилов.

Территория ТССР богата памятниками болгаро-татарской эпохи: в Спасском кантоне высятся остатки монументального зодчества—Болгары; в других кантонах сохранились следы поселений и проч., и, почти всюду, находятся т. н. эпиграфические надгробные памятники. Последние всегда привлекали внимание ученых, но никогда не служили им объектами систематического и полного изучения.

В 1722 году Петр I, посетивший болгарские памятники, приказал казанскому губернатору кн. А. П. Салтыкову принять меры к охране развалин и скопировать надписи с пятидесяти эпиграфических памятников, имевшихся тогда на месте. Впоследствии переводы этих надписей были выполнены и послужили для опубликования путешественнику И. Лепехину, а в 1805 г. востоковеду Ю. Клапроту, который получил копию надписей петровского времени через Я. Потоцкого. Неточность переводов заставила нашего ориенталиста И. Н. Березина переиздать их в „Ученых Записках Казанского Университета“ за 1852 г., но, как мы видим, и это опубликование оказалось далеко не непогрешимым, и покойному Н. Ф. Катанову пришлось приступить к некоторым исправлениям и им дан такой опыт в его статье в „Казанском Музейном Вестнике“¹.

В 1922 г. к этому же вопросу о сборнике болгарских надписей вернулся С. И. Порфирьев², указавший на научное значение в этой области рукописей, которые хранятся в Московском Архиве Министерства иностранных дел, среди прочих материалов XVIII в. о болгарских памятниках.

В 1922 г. об армянских надписях в Болгарах и Казани напечатан краткий отчет Б. В. Миллера, командированного для изучения их в Казани Гос. Академией Истории Материальной Культуры (представлен в 1919 г.)³.

Об армянских эпиграфических памятниках, вновь обнаруженных на территории ТССР, были заметки в „Записках Тетюшского Музея“⁴.

В пятой книге „Известий Общества Обследования и Изучения Азербайджана“ (г. Баку, 1928 г.) проф. А. И. Ашмариным дан этюд о болгарских надписях около села Тукмакла, Чистопольского кантона, записанных автором еще в 1910 году⁵.

В последней, восьмой книге „Вестника Научного Общества Татароведения“ также имеются заметки о надгробных памятниках⁶.

В летних работах по ТССР 1928 года изучение эпиграфических памятников также имело место среди прочих задач археолого-искусствоведческого порядка.

До сих пор это изучение протекало исключительно по линии лингвистики, только на этом задерживали внимание все ученые, начиная от Лепехина, Клапрота, Френа, Эрдмана до Катанова, Ашмарина и других. Профессор А. И. Ашмарин в последнем опубликовании лишь мельком указывает на встреченную им, помимо надписи, орнаментику⁷; а Л. М. Тамбовцев останавливается на подробном описании самой формы обнаруженного надгробия с армянской надписью⁸.

Изучение надгробных памятников, как памятников материальной культуры, не имело места до сих пор, но нам хорошо известно из личных наблюдений, что последние являются единственными носителями древней орнаментики, совершенно забытой к нашим дням в других видах изобразительного искусства; в форме самих памятников мы можем кое-что почерпнуть для понимания архитектурных деталей прошлого; полустертые тамги хранят в своей строгой графической форме—бытовую геральдику; изучение технических приемов обработки камня—могут расширить наши скудные знания о технике и инструментах древнего резчика; наконец, изучение самого материала памятника может дать нам наводящие данные о местах выработки строительного камня, что в настоящее время еще гадательно. Изучение надписей—дает материалы лингвистического и историко-бытового характера.

Вопрос о необходимости изучения резного камня болгаро-татарской эпохи неоспорим и серьезное начало этому уже

положено работами 1928 года, но следует в них внести строгую систематичность и плановость, во избежание параллелизма и „переоткрытия“. Настоящими строками попытаемся дать принципиальные соображения по этому вопросу, которые разделяет Музейный Отдел ТНКП и намечает к проведению с летнего сезона 1929 года, ибо те работы, которые проводились в 1928 г., носили опытный и эпизодический характер и послужили лишь наметкой к предстоящим работам.

I. Местонахождение эпиграфических памятников. Надгробные памятники, отмеченные при посещении Болгар Петром I (1722 г.), не дошли до нас полностью: они послужили строительным материалом при постройке приходской церкви в с. Болгарах⁹ и некоторых частных домовладений там; часть их во фрагментах хранится в „Черной Палате“; несколько надгробий имеется в Университете, Центральном Музее ТССР, в кантонных Музеях в г. Чистополе и Тетюшах, но большое количество их еще уцелело по сельским местностям ТССР, будучи сконцентрированным на мазарах или в единичном количестве, разбросанном повсюду¹⁰. Такая разбросанность их не допускает надежной охраны. Одиночным памятникам угрожает увозка, разбивка, как строительного материала, запашка в поле, порча надписей и проч. В видах охраны и изучения их необходимо первоначально озаботиться собиранием сведений о точном местонахождении камней. В основу должны лечь литературные сведения, рукописные данные и опрос населения (путем запросов по краеведным ячейкам, культурным работникам, селькорам и проч., но не следует их пугать громоздкостью анкетных вопросов и облегчить почтовые расходы по пересылке).

II. Охрана надгробных памятников, расположенных на территории ТССР, осуществляется Музейным Отделом Акадцентра ТНКП. Вопрос с охраной отдельных надгробий очень сложен и нов в нашем быту. Одними законоположениями и циркулярами охрану осуществить нельзя, как показала нам практика. Требуется разрешение вопроса каждый раз в индивидуальном порядке, точно согласовав с своими реальными возможностями. Нельзя все заповедать и охранять в наших условиях. Практика показывает, что форма охраны может быть окончательно

вырешена при осмотре самих объектов охраны. Нам кажется, что непременным условием при решении вопроса об охране надгробного памятника решающее значение будет иметь качество объекта (не взирая, подчас, на сохранность). Уникальные, в смысле лингвистическом, историко-бытовом, художественном и проч., подлежат обязательной переноске в центральное хранилище ТССР; памятники второй группы—удовлетворительной сохранности и научной значимости следует обеспечить надежной охраной на местах их группового расположения на древних мазарах, в черте селений и проч., с каковой целью необходимо будет войти в соглашение со школьными и другими местными работниками, при обязательной оплате труда за охрану. Памятники третьей группы—очень плохой сохранности и малой научной значимости (со стертыми надписями, фрагментарно сохранившиеся и проч.), после необходимой регистрации и изучения, могут оставаться на прежнем месте и постоянной охране не подлежат, но беглый надзор может быть поручен сельсовету ближайшей деревни и т. д. При разборе этих трех групп памятников мы имеем в виду не единичные памятники, а их группы. В отношении одиночных памятников (2 и 3 группы) следует ввести правило: перевозить их с места нахождения в места постоянной охраны и сосредоточения последних.

При накоплении материала в таких местах, невольно возникнет мысль о создании лапидариев, тип и форма коих опять-таки вырешится в дальнейшем. Необходимо будет после учета и регистрации надгробных памятников провести в ТЦИК'е соответствующее постановление, регулирующее вопрос охраны их на всей территории ТССР.

III. Изучение эпиграфических памятников не должно протекать без плана, как мы уже указали выше. Это ведет к параллелизму, к открытию уже открытого, путанице и проч. Для планомерного и централизованного изучения необходимо при Музейном Отделе ТНКП создать особую комиссию по изучению эпиграфических памятников, она должна состоять из лиц, работающих в этой области; для осуществления намеченных комиссией подготовительных работ пользуются аппаратом Отдела. Работа субсидируется Отделом, с привлечением ассигнований заинтересованных организаций ТССР.

Собираемый материал, научно классифицированный, концентрируется в Отделе, служба там научной базой для ученых, без которой немыслима никакая работа. Что же касается опубликования и изучения этих материалов, то тут не может быть никакой монополии, ни лиц, участвовавших в собирании их, ни самого Отдела, ибо, как показывает практика, привлечение широкого научного коллектива не только ТССР—может повести лишь к большим научным достижениям. Разнобой в научной работе лишь нанесет непоправимый вред в этом деле и надолго отложит осуществление насущной задачи, так как памятники гибнут с каждым годом, необходимо торопиться. Выполнение этих работ должно вестись в следующем порядке.

1. Собрание сведений о местонахождении памятников и составление карты расположения их на территории ТССР. Эта работа может быть осуществленной путем изучения: а) печатной специальной литературы; б) рукописных материалов А. Ф. Лихачева, П. А. Пономарева и др.; в) письменного и устного опроса населения ТР. (Необходимо выработать краткий и несложный опросный лист, в виде открытого письма, на русском и татарском языках).

2. Собрание материала и изучение в натуре: во время специальных и проч. поездок по ТССР по известному плану и маршруту, согласно собранных сведений, начиная такие об'езды с главных мест сосредоточия памятников. Этому обследованию должно предшествовать изучение всех фрагментов и камней, находящихся в казанских музеях: Общества Археологии, Центральном, Кабинете ВПИ, ближайших окрестностях Казани (как, напр., б. архиерейской дачи, старого татарского мазара и проч.) и кантонных музеях ТР.

Работа по обследованию должна протекать по следующим разрезам:

А) Увязка местонахождений памятников с топографической картой, или нанесение их на план глазомерной съемки, пользуясь методом засечек, связывая их с неподвижными постоянными точками.

Б) Обмер памятника. Его следует производить точно, пользуясь небольшой метрической рулеткой и устойчивой линейкой (складным метром). Цифровые данные должны быть настолько достаточными, чтобы по ним можно было

вычертить и восстановить вид памятника позднее, при разработке полевого материала. Следовательно, надо измерить: а) высоту памятника (предварительно прокопав в одном месте до конца нижнего основания, производя таким образом небольшую, аккуратную раскопку) от верха и до низа (если памятник наверху ограничен не горизонтальной поверхностью, то следует взять ряд промеров); б) ширину памятника; в) толщину памятника; г) для точной фиксации всех индивидуальных черт памятника, как-то: расположения надписей, орнаментики, формы обработки верхней и нижней частей и проч., необходимо произвести дополнительные промеры. Все цифровые данные заносятся на схематический чертеж прямо в поле, чтобы не перепутать записи и тем самым облегчить разработку материала позднее.

В) **Фотofиксация.** Фотографирование, как момент фотомеханической фиксации изучаемого памятника, крайне необходимо. Фотографирование надо производить серьезно и в широком размере, не скупясь на пластинки, но в то же время систематично, соблюдая масштабность. Следует фиксировать общий вид памятника (хотя бы с двух сторон), затем фотографировать полностью писанные и орнаментальные стороны (необходимо со всех четырех сторон), затем уже переходить к тем деталям, которые почему-либо останавливают внимание исследователя.¹¹

Г) **Эстампирование.** Обмер дает графическое—линейное представление о внешнем виде памятника, фотографирование расширяет эту задачу и дает уже представление о памятнике более наглядное и знакомит даже с фактурой памятника, но в значительном уменьшении оригинала. Этими двумя видами фиксации памятника нельзя ограничиваться; если памятник изучается полностью, то ее дополняют эстампажами, которые позволяют исследователю, как бы в натуре, изучать те или иные части памятника. Кроме того, с хорошо исполненного эстампажа возможно сделать гипсовый отлив, и тогда обратное изображение эстампажа будет заменено полным повторением оригинала. Отливы наглядны и ценны для музейного экспонирования и удобны при изучении. Эстампажи легки и удобны при перевозках в самих раз'ездах. Не обязательно их делать со всех сторон: можно ограничиться только орнаментальными и писанными частями памятника и даже их деталями.¹²

Д) Зарисовка памятника. На зарисовке памятника и его деталей не настаиваем, но, учитывая опыт других работников (например, крымцев) и наших западных коллег, которые всегда сопровождают свои исследования не только репродукциями с фотографий, но и параллельными зарисовками с натуры, зарисовку следует всемерно рекомендовать, помня, что все виды фиксации корректируют единую задачу и преследуют одну и ту же конечную цель.

Как на вспомогательное средство при зарисовке хорошо сохранившихся памятников с верхней плоской поверхностью и углубленным рисунком контуров—можно рекомендовать протирку масляной краской (размазанной на мягкой тряпке) по верху наложенной папиросной бумаги. Этим способом достигаются изумительные эффекты для получения контуров орнаментированных частей памятника. Не следует забывать и простую бумажную кальку, благодаря которой можно успешно работать карандашом.

Е) Составление учетно-описательной карточки памятника. Моменты всесторонней фиксации закончены, необходимо суммировать полученные данные, которые для удобства рекомендуем заносить на карточку. Карточка должна включать все те данные, о которых была речь выше, а именно: а) общее топографическое указание местности, где изучался памятник, и более детальное, по отношению к данному пункту; б) общие размеры памятника; в) краткое описание (сохранность, категория, особые примечания и проч.); г) указание на фиксацию памятника; д) указание на имеющуюся библиографию; е) ссылку на акт осмотра и заключение об охране (см. об этом ниже) и ж) подпись обследователя и дата обследования. Эта карточка после обработки может быть дополнена другими сведениями и т. обр. будет справочником для дальнейшего изучения. (См. форму ее).

Ж) Составление общего акта осмотра и заключения по вопросу дальнейшей охраны. Не покидая места обследования, следует составить акт о состоянии осмотренных памятников, привлекая к этому сельсоветы и местных культурных работников. В акте отмечают состояние, изменение в положении, перевозку, вид охраны и проч. По возможности следует в акт внести заключения по вопросу охраны памятников на будущее время, руководствуясь директивами Музейного Отдела ТР.

IV. Дальнейшее изучение собранного материала необходимо продвигать по разным разрезам (как упоминалось выше), привлекая для этого различных специалистов, которые могли бы и не участвовать в подготовительной исследовательской поездке. К их услугам наши учетно-описательные карточки, фото, обмеры, эстампажи и проч.

Только таким строго планомерным и научным способом можно будет продвинуть дело изучения эпитафических резных памятников и приблизить момент создания *Congrus inscriptionum*, о котором мечтали и Общество Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете, и местные научные работники с очень давних пор и до наших дней.¹³

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. № 1—2, 1921 г., стр. 54—56.
2. «Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете». Том XXXI, вып. 4, стр. 41—44.
3. «Известия Российской Академии. Истории Материальной Культуры». Том IV, стр. 65—80.
4. Л. М. Тамбовцев. Об одном археологическом памятнике болгарской культуры. «Записки Тетюшского Музея». 1927. I, стр. 14—16.
5. Н. Калинин. От Сюкеева к Камскому Устью. «Записки». 1928. III, стр. 12—13.
6. Болгарские надписи, найденные около с. Тукмакла, стр. 16—21.
7. Ф. В. Тарзиманов. «Хузьялар Таун», стр. 175—176.
8. А. И. Ашмарин, стр. 19.
9. Л. М. Тамбовцев, стр. 14—15.
9. В нашем распоряжении имеется фото 1925 г., где виден цоколь храма, состоящий из эпитафических камней (описанию одного из них и посвящена статья Н. Ф. Катанова); из личных осмотров нам известна сохранность их и тех камней, которые были употреблены на выстилку пола внутри. Отдел озабочен освобождением этих памятников, что стоит в плане на предстоящее лето 1929 г., но в виду сложности работы оно должно быть разрешено окончательно специальной технической комиссией. Для предохранения камней в самой церкви дано распоряжение уполномоченному в Болгарах сделать на них деревянные щиты.
10. В революционные годы нами обнаружены камни в русском селе Хохлове-Крылай, Арского кантона, но наши хлопоты о перевозке их не увенчались успехом. В поездках по ГР они встречались по всем кантонам.
11. О методах фотографических работ отсылаю к интересной и полезной статье опытного исследователя С. М. Дудина — «Фотография в этнографических поездках» («Казанский Музейный Вестник» — 1921 г., № 1—2, стр. 31—53). Из личного опыта ограничусь краткими указаниями: желательный размер камеры и пластинок следует считать

13×18 см.; аппарат должен иметь двойное растяжение меха и надлежащую светосилу об'ектива. Следует иметь для работы светофильтр, а поэтому вести фотографирование на ортохроматических пластинках. Для перезарядки пластинок в поле рекомендуем пользоваться походным мешком из двух слоев (черной и красной) материи. Необходимо, если нет полной уверенности в фото-материалах и правильности экспозиции, проводить хотя бы контрольное проявление, но в идеале надо стремиться к тому, чтобы проявление вести на месте изучения в поездке, ибо тогда не будет досадных моментов и неприятных случаемостей. Рекомендуем вести запись фотографируемых об'ектов и делать об этом отметки на учетно-описательной карточке.

12. Существует ценная работа: Н. А. Тисольт. «Инструкция для снятия слепков». Петербург. 1923 г. Издание Российской Академии Истории Материальной Культуры. Здесь автор подробно рассматривает многие виды и приемы этих работ. Интересующимся рекомендуем ознакомиться с этой работой, но мы опять кратко поделемся своим опытом, который у нас сложился не только по работе в ТССР, но и в экспедициях по Средней Азии. Мы пользовались фильтровальной или пропускной бумагой (можно употреблять и оберточную серую, и папиросную бумагу), которая накладывается на рельефное изображение и в смоченном виде прибивается мягкой щеткой (или кистью); от количества бумаги и терпения зависит качество эстампажа (для отливов надо готовить многослойный эстампаж). Для смачивания бумаги вместо воды употребляется жидкий крахмал, разведенный водой. Перед снятием эстампажа рекомендуем произвести небольшую подготовку памятника, покрывая легким слоем хотя бы парафина в скипидаре (эта подготовка облегчит с'емку эстампажа после просушки и несколько не повредит самому памятнику, лишь предохранив его на некоторое время от атмосферных разрушений). Сушка эстампажей зависит от количества бумаги и иногда продолжается больше суток; поэтому эстампирование следует отнести на самый конец работ. Снятые сухие эстампажи мы пропитываем для сохранности белым лаком и укладываем в плоские фанерные ящики, которые следует иметь по размеру листов бумаги (большие памятники можно эстампировать по частям).

13. Отчет Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете с 1-го января 1923 г. по 31-е марта 1924 г., стр. 4.

Форма учетно-описательной карточки.

Приложение.

1. Название:	2. Местонахождение:	3. Пам. № Дело № Акт №
4. Дата:	9. Описание и дополнительные сведения:	
5. Материал:		
6. Размеры:		
7. Состояние и категория:		
8. Фиксация: Негат. № Отп. №		
10. Дата учета и подпись		

Примечание: заполнение пункта 10-го можно продолжить на оборотной стороне карточки.

О БОЛГАРО-ТАТАРСКИХ НАДГРОБНЫХ КАМНЯХ МАМАДЫШСКОГО КАНТОНА ТССР.

Н. И. Воробьев.

Не являясь специалистом по эпиграфике и не претендуя нисколько на опубликование материалов по надгробным камням, я все же решаюсь напечатать настоящую заметку о камнях, найденных в Мамадышском кантоне ТССР во время поездки туда в 1925 году, ограничиваясь только данными по их топографии. Эпиграфические материалы по этим камням обрабатываются моим спутником по экспедиции С. Г. Вахидовым, но, в виду некоторого значения выявления расположения древних камней на территории края, опубликование и моих данных может быть не будет лишним.

Найденные нами камни по местам нахождения распадаются на несколько групп.

I. Группа из трех камней расположена в 1,5 километрах к югу от дер. Сунерь (Измă). Камни расположены на открытой площади среди полей. Место это обнесено почти исчезнувшим рвом и валом, высотой в 50—70 сант. Размер огороженного пространства около 2—3 акров. На этом пространстве и расположены три камня, из которых два стоят, а третий, разбитый на 5 частей, лежит на земле. Два первых камня являются камнями болгарского типа. Высота их над землей около 100 сант. Ширина одного 46 сант. внизу и 37 вверху, другого соответственно 62 и 55 сант. Толщина одного 25—17 сант. и другого по всей длине 17 сант. Верхний край камней лишь слегка закруглен. Надпись глубоко врезанная, хотя и плохо читаемая, в виду сильного разрушения лишайниками. Третий камень казанской эпохи, датированный (по чтению участников экспедиции) 1534 годом. Размер его 120×40×12 сант. Верхняя часть имеет характерное закругленное венчание. Надпись выпуклая. По краю лицевой стороны идет характерный растительный орнамент. Все камни сделаны из

доломита повидимому не местного происхождения, ибо местные обнажения его, согласно нашим наблюдениям, дают материал более рыхлый, чем тот, из которого сделаны камни.

Означенные три камня повидимому являются остатками кладбища, судя по всему окружающему, но к какому поселению это кладбище относилось, сказать невозможно.

II. К второй группе отнесем камень у д. Зюри, типичный казанский, размером $126 \times 47 \times 8$ сант. (задняя сторона отколота вдоль во всю длину камня). Надпись сильно испорчена. Камень расположен на самом краю незаливной террасы р. Мешы, на краю деревни. Возможно, что он является остатком зюринского кладбища, смытого р. Мешей¹.

Район д. Зюри вообще представляет в археологическом отношении интересный пункт. В Зюри, как и в недалеко от нее расположенной дер. Казаклар имеются многочисленные предания, указываются многочисленные урочища, связанные с историей болгарских времен. Детальное обследование этого района представляет важную задачу местной археологии.

III. К этой группе отнесем два камня у дер. Белый Ключ (Ак-су). Один камень стоит в ограде современного кладбища, другой вне ее. Датируются временем Петра I. По типу эти камни близки к казанским, но слабее их по технике надписи и из более рыхлого, местного материала.

IV. Четвертой и наиболее интересной группой камней являются камни древнего кладбища, расположенные в 1,5—2 километрах к юго-востоку от д. Средн. Кирмени². Камни эти находятся на кладбище, обнесенном рвом и валом, засаженном редкими деревьями. Камни, еще сохранившиеся, обнесены деревянными срубками (позднейшего происхождения), и вообще кладбище, благодаря заботам местного населения, имеет почти современный вид. Кладбище это расположено приблизительно в километре к югу от выдающегося высокого мыса, на котором расположено огромное городище, правда, в настоящее время распаханное и трудно определяемое. Кладбище по отношению к городищу расположено за небольшой речкой Кирмень, протекающей у подножия мыса. С этим городищем у местного населения связано предание о болгарском городе Кирмене или Кирменчуке.

На данном городище, по рассказам крестьян, нередко находятся различные предметы болгарской эпохи, а при осмотре нам удалось находить мелкие куски керамики и поливных изразцов. Интересно также отметить по склонам террасы, на которой расположено городище, кусты дикой вишни, которая в данном районе в таком состоянии не встречается и возможно является одичавшим остатком садов данного города.

На кладбище сохранились следы более 20 камней, но из них только 10 более или менее сохранились (некоторые в обломках), так что во время поездки они были зафотографированы и, сколько возможно, прочитаны. Остальные сохранились лишь в виде бесформенных и совершенно без надписей обломков.

Наиболее сохранившиеся камни имеют размер около $80 \times 50 \times 15$ сант. Верхушки их большей частью четырехугольные, но на некоторых нанесены контуры полукруглозаостренного перекрытия, характерного для позднейших казанских камней данной местности, при чем внутри этого перекрытия у нескольких камней имеются розетки. Как розетки, так и надписи на всех камнях врезанные.

Материалом для их постройки служил доломит, также, по видимому, не местного происхождения. Что касается техники обработки камней и написания надписей, то они несомненно более слабого типа, чем у таковы же камней на основной болгарской территории. При осмотре их уже чувствуется как бы глубокая провинция, далекая от основных центров распространения данной культуры.

Кирменское кладбище представляет значительный интерес, как и городище, в вопросах о северных границах распространения болгарского ханства, давая для этого при датировке, которую, надеюсь, сделают соответствующие специалисты, ценные исторические данные.

Этим и закончу то немногое, что считал бы нужным сообщить о топографии намогильных камней, найденных во время поездки 1925 года.

ПРИМЕЧАНИЕ:

¹ У Шпилевского, Древние города..., стр. 402, есть указания на наличие в Зюри укреплений, ныне смытых Мешей.

² У Шпилевского, стр. 421, есть указания о городище на р. Кирмень, но нет указания на наличие при нем кладбища, в то время как в настоящее время больший интерес представляет именно кладбище.

О ДВУХ ТАТАРСКИХ НАДГРОБНЫХ ПАМЯТНИКАХ XVII-го ВЕКА.

Али Рахим.

Летом 1927 и 1928 годов мне пришлось обследовать значительное количество древних татарских надгробных памятников в пределах Арского кантона ТССР. Всего мною зарегистрировано, описано и отчасти зафотографировано до 50 памятников, относящихся в большинстве случаев к 16-му веку, среди которых имеется некоторое количество камней, датированных концом 15-го и началом 17-го веков.

В виду того, что я готовлю отдельную статью с подробным описанием всех найденных мною памятников, на этот раз я останавлиюсь только на двух редких камнях начала 17-го века.

Семнадцатый век отмечен в истории татар упадком экономической и, следовательно, культурной жизни господствующих классов. Во второй половине 16-го века после покорения Казанского Ханства прежние владетельные классы татарского общества в лице духовенства и светской аграрно-военной аристократии потерпели со стороны наступающего московского торгового капитализма окончательный разгром. Крупные латифундии их были конфискованы; в количественном отношении земельная аристократия потерпела страшную убыль во время последовавших после взятия Казани перманентных восстаний; наконец, огромная часть землевладельцев-феодалов крестилась в целях сохранения своего экономического положения, дав таким образом начало многим русским дворянским фамилиям. Остатки татарской аграрной аристократии урезанные в политических правах, сохранившие землевладения лишь в провинциях, отдаленных от главных речных артерий и, следовательно, от хлебного рынка, обречены были влачить

довольно жалкое существование. Приспособление этого класса к новым условиям развивающегося в стране торгово-капиталистического строя началось несколько позже.

Поэтому до нас сохранилось очень небольшое количество могильных памятников, отмеченных 17-ым веком. Дорого стоящие памятники могли ставить только экономически мощные слои населения, и все эпитафические памятники этой эпохи, конечно, поставлены на могилах представителей высших классов общества, главным образом, владельцев поместий в сельских местностях, князей и мурз.

Известным татарским ученым прошлого столетия Каюмом Насыри были обследованы в 70-ых годах древние татарские памятники Свияжского, Цивильского и Чебоксарского уездов быв. Казанской губернии. Среди множества описанных ими камней мы находим только один, плохо сохранившийся, памятник конца 17-го века из татарской деревни Ямашево, Чебоксарского уезда, датированный 1698 г.¹ Других памятников 17-го века в литературе, известной мне, не зарегистрировано. Тем больший интерес представляют описываемые здесь два памятника, последние следы некогда процветавшей культуры этого отходящего в область истории татарского феодального класса.

Камни эти находятся на кладбище деревни Старый Узюм, Ново-Кишитской волости, Арского кантона, среди четырех других камней, относящихся к 16-му веку. Тексты их публикуются мною не впервые. Ссылаясь на письмо осмотревшего узюмские камни татарского ученого-историографа Мэрджани, Вельяминов-Зернов поместил тексты этих памятников в конце I тома „Исследования о касимовских царях и царевичах“, при чем в записи Мэрджани текст одного из них приведен неполностью.

Один из интересующих нас камней (№ 1) датирован месяцем Зуль-Хиджа 1018 г. гиджры, что соответствует февралю-марту 1610 г.; другой (№ 2) датирован месяцем Мухаррэм 1020 г., т. е., март-апрель 1611 г. Таким образом, между ними имеется разница лишь на 1 год. Оба памятника богато орнаментированы и, по всей вероятности, высечены рукой одного мастера.

По внешней форме эти памятники несколько отличаются от обычного типа камней 16-го века. Первый камень высечен из белого известняка и обращает внимание своей

шириной относительно к высоте. Вероятно, он когда-то упал и вторично был посажен в землю, так что половину последней строки надписей мне пришлось выкопать из-под земли. Высота надземной части по срединной линии 107 см., ширина 62 см. Довольно большой кусок с левой стороны камня откололся наискось сверху книзу и затерялся. Но, так как камень гораздо шире площади надписей (80×32 см.), то из'ян этот не повредил текста, задев лишь нижнюю часть орнаментированного бордюра около них. Верхняя часть камня не имеет обычного полуциркульного очертания, а являет собой рисунок очень широкой сплюснутой восточной арки с вогнутыми краями и с плавно заостренной верхушкой. (См. рис. 1).

Второй памятник из серого известняка имеет совершенно иной внешний облик. Ему придана слегка подковообразная суженная книзу форма, слегка напоминающая татарские надгробные камни 19-го в. Верхняя часть полуциркульная слегка сплюснутая и оканчивающаяся тупым острием. В общем он обладает более стройной формой сравнительно с первым. Высота камня 116 см., ширина 50 см. (См. рис. 2).

На передней лицевой стороне каждого памятника, обращенной по обычаю к востоку, высечены по 6 строк рельефных надписей. Надписи обрамлены выпуклой же рамкой шириной в 1 см.; такими же полосками отделены друг от друга строки. По обеим сторонам надписей высечен бордюр шириной в 7 см., состоящий из орнамента в виде арабесков. Надписи увенчаны почти трехугольной с изрезанными краями площадью, заполненной вычурной восточной вязью. Этот верхний орнамент, почти тождественный на обоих памятниках, повторяет типичную орнаментировку татарских памятников 16-го века. Вероятно, он копирован художником из находящихся тут же более старых памятников. Техника выполнения и рисунок на наших камнях отнюдь не проявляют признаков упадочности.

Боковые же арабески по основному своему мотиву заметно отличаются от подобных же украшений на камнях 16-го столетия. На последних обычно бордюр более узок (5 см.) и составлен из однообразно повторяющегося растительного мотива с плавными завитками, тогда как на наших камнях более широкие ленты бордюра (7 см.) украшены вычурным растительным орнаментом, чередующимся

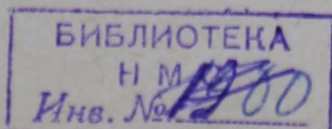
с кресто-образными розетками. Такой мотив, насколько мне известно, на камнях 16-го века не встречается. Если сравнить его с более простыми и строгими мотивами предшествующего столетия, то, пожалуй, здесь мы сможем констатировать некоторую изошренность вкусов.

Теперь о надписях. Надписи выполнены довольно хорошим каллиграфом в стиле позднего „сулюс“. Оба памятника без сомнения вышли из рук одного и того же мастера. Первые три строки на обоих камнях, как по тексту, так и по каллиграфической компановке отдельных слов и их сочетаний, являются совершенно тождественными. Существенным недостатком компановки надписей следует считать скученность текста в нижних строках. Художник как-то не рассчитал площади надписей и длину текста. С приближением к низу строки все более суживаются, количество слов, помещенных на одной и той же площади, возрастает, и соразмерно с этим письмо мельчает. В нижних рамках текст размещается уж определенно в виде двух параллельных строк; письмо комкается, теряя свою каллиграфическую четкость и правильность стиля.

Текст на лицевой стороне камня № 1 следующий:

1. قال الله تعالى وما تدري
2. نفس باى ارض تموت وقال سبحانه
3. وتعالى كل نفس ذائقة الموت
4. قال النبى عليه السلام الدنيا مزرعة الاخرة
5. تاريخ مينك يمل اوزوب اون
6. سکز دا مبارک ذى الحجه آيندا
- شداک اوغلى ممالى (?) غا الله
- رحمت قيلسون آمين رب العالمين

Перевод: „Сказал бог всевышний: И не ведает никто в какой земле умрет. И сказал преславный и всевышний: Всякий должен вкусить смерти. Сказал пророк, да будет мир над ним: Мир есть поле (на котором возделываются семена) последней жизни. Даты: по прошествии тысячи лет в восемнадцатом году, в благословенном месяце Зильхиджа, Мамай сына Шудяка² бог да помилует. Аминь, (о) владыка миров!“

2-17 R

На обратной стороне плиты в продолговатом врезанном четырехугольнике имеется следующая выпуклая надпись, довольно изящно выполненная в стиле „сулюс“:

بولوحنى اينسى چين بولاط بنا قيلدى

„Эту плиту воздвиг младший брат его Чин-Булат“.
(См. рис. 3).

Сбоку высечено традиционное арабское двестишьё, очень часто встречающееся на боковых гранях старинных татарских эпитафий:

ارى الدنيا خرابا بعتبارى فلا يبقى مداما بالقرارى

„Вижу мир развалиной по преимуществу“;

„Не остается он продолжительно в покое“.

Техника последней надписи довольно небрежная и не отвечает вполне требованиям каллиграфического стиля.
(См. рисунок 4).

По аналогии с другими эпитафиями, на левой разрушенной грани памятника следует предполагать обычный турецкий перевод того же двестишьё:

كورارمن دنيانى ويران بارى هميشه باقى ايرمس يوق قرارى

На втором камне на лицевой стороне имеется следующая надпись:

1. قال الله تعالى وما تدري
2. نفس باى ارض تموت وقال سبحانه
3. وتعالى كل نفس ذائقة الموت
4. تاريخ مينك يمل اوزوب
يكرمى دا مبارك محرم
5. آيندا ايردى مومن حوجه (?) يوچو
نى اولماس كا الله تعالى
6. رحمت قيلسون

Перевод: „Сказал бог всевышний: И не ведает никто в какой земле умрет. И сказал преславный и всевышний: Всякий должен вкусить смерти. Даты: по прошествии тысячи лет в двадцатом году было, ючюня Му‘мин-Худжи Ульмэса бог всевышний да помилует“.

На боковых гранях те же стихи, что на первом камне. На оборотной стороне надписей нет.

Несколько слов в предпоследней двойной строке главной надписи из'едены временем и плохо поддаются разбору. Мэрджани читал это место так: «موسى اوغلى يوچوه». С этим чтением совершенно нельзя согласиться. Слова اوغلى (сын) здесь не имеется, тем более, что Ульмэс есть известное татарское женское имя.

Это сомнительное место я читаю: «مومن خوجه يوچونى» при чем последнее слово во мне не вызывает никаких сомнений. Следовательно يوچونى это есть слово, определяющее родственное отношение покойницы к Му'мин-Худже. Что же оно означает?

По Радлову³ јучин—يوجين есть слово джагатайское, обозначающее ханскую или княжскую дочь. По Будагову же⁴ يوجون، يوجين، يوجин, дочь ханского или княжеского происхождения (слово это, ныне неизвестное татарам, встречается на надгробных надписях...). Слово يوچونى (юджюни) несколько раз встречается на эпитафиях ханской усыпальницы города Касимова (напр., «سيد جوروجى يوچونى» «بولاك شاد بيكم...» или «يوجونى ماه سلطان خانكه باباسى شاه (على خان اوچون بولوحنى بنا قللدوردى)» и по исследованию— Вельяминова-Зернова представляет из себя вышедшее в настоящее время из употребления слово, обозначающее какую-то младшую родственницу, возможно, племянницу. В вышеупомянутой касмовской надписи оно не может обозначать ни „дочь“, ни „внучку“ в прямом смысле, так как Шах-Али-хан не имел детей⁵. Слово это в форме يوجين и в таком же неясном значении встречается и в некоторых произведениях чагатайской письменности, как, напр., в „Шейбани-Намэ“ (в прозаической „Шейбаниаде, изданной Березиным). Будагов говорит, что слово это, первоначально китайского происхождения в виде „фуджинь“, يوجين перешло к монголам, а затем к тюркам, и передавалось разными писателями в формах يوجين، قوجين، جوشين، يوجينن، يوجينن، قوجينن, обычно в значении „знатная женщина, госпожа“.

Слово يوچون ,встречающееся на нашем памятнике, мы с полным правом можем отождествить с вышеупомянутым словом يوچون. Буква же ۞ по тогдашней орфографии часто

заменялась буквой چ ; так, например, имя چوروجی на вышеприведенной касимовской эпитафии следует, вероятно, читать как چروچی —Воитель.

Заканчивая свою заметку, мне бы хотелось выразить пожелание, чтобы Музейным Отделом при Академцентре ТНKP были приняты серьезные меры к охране болгаро-татарских эпиграфических памятников, рассеянных по всей территории ТССР.⁶ Памятники эти с каждым годом все более и более подвергаются разрушению не только от природных атмосферных причин, но также и человеческими руками. То суеверное почитание и страх, каковые до сего времени окружали их в силу религиозных и иных пред-рассудков и служили в течение столетий надежной охраной для них, уже в связи с развитием антирелигиозной пропаганды в деревне быстро исчезают. Это явление создает опасность для целостности и сохранности этих ценных исторических памятников, которые с течением времени могут подвергнуться порче и уничтожению со стороны несознательных элементов населения, в особенности со стороны легкомысленно настроенной молодежи. Между тем эти эпитафии являются драгоценным материалом как при изучении татарской истории вообще, так и истории татарского языка в частности. В виду этого следует в самый ближайший срок принять меры к вывозу и концентрированию болгаро-татарских надгробных камней в Центральном Музее ТССР, и в первую очередь тех „беспризорных“ камней, которые чаще всего находятся в районах, населенных не татарами, и, следовательно, почитанием и охраной со стороны местного населения не пользуются.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ „Неизданные произведения Каюма Насырова“. Материалы археологические. Казань. 1926.

² Я читаю—Шюдэк. Начертание второго имени مماي (Мамай или Мэмэй) вызывает сомнения: возможно предполагать حصای или حصای . Но поскольку последнее слово менее вероятно, как имя, то я принимаю чтение Мурджани, который читал مماي (Мамай), хотя у Вельяминова Зернова (т. I, ст. 368—359) приводится татарское имя قصابی , уменьшительное от قاسیم , с которым легко отождествит и это имя, если принимагь его в начертании حصای .

В дер. Ст.-Узюм живет крестьянин Нигматзян, у которого сохранилась копия старинной родословной его рода. По его словам ориги-

нал содержал до 16 поколений, ведущих свое происхождение из гор. Болгар. Но оригинал родословной недавно утерян; случайно сохранилась неполная копия. Она начинается лишь с Мэмэт-баба, который по преданию переселился из гор. Буляр (Билярска) в дер. Верези Арск. кант. Предки же Мэмэт-баба, список которых утерян, в свою очередь вели свое происхождение из гор. Хан-Кирмэн, т. е. Касимова (sic!), и оттуда будто бы переселились в Болгар. Уцелевшая часть родословной представляется в следующем виде (беру без боковых линий):

Мэмэт-баба — Багышкы-баба — Кодыш — Мустай — Шюдэк-абыз — Ураз-Бакты — Аиг-Мэмэг — Абдулла — Бикбау — Бикчентэй — Али-Акбэр — Нигматзян

По семейному преданию Шюдэк-абыз прибыл в Ст.-Узюм в качестве муллы и род его наследственно носил этот сан, пока последние потомки не превратились в простых крестьян. По словам Нигматзяна некоторые из старинных камней на узюмском кладбище поставлены на могилах его предков. Однако хотя на одном из наших памятников и упоминается имя Шюдэк в качестве имени отца покойника, но из родословной не видно, чтобы у него были сыновья по имени Мамай и Чин-Булат.

³ Радлов «Опыт словаря тюркских наречий».

⁴ Будагов «Сравнительн. словарь турецко-татарск. наречий».

⁵ Вельяминов-Зернов «Исследов. о касимовск. царях и царевичах», т. I, стр. 504—511.

⁶ Принципиальные соображения Отдела по этому важному и острому вопросу изложены в статье П. Е. Корнилова: «К изучению эпиграфического резного камня болгаро-татарской эпохи». Гед.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ ОРНАМЕНТИРОВКИ ТАТАРСКИХ ПАМЯТНИКОВ XVI—XVII в.в. ¹.

П. Дульский.

Летом 1928 г., по поручению О-ва Татароведения, в составе доцента Али-Рахима, П. Дульского и фотографа Н. Засыпкина была проведена небольшая исследовательская поездка в Арский кантон с целью: 1) изучения художественно-кустарных промыслов татар и 2) для ознакомления с памятниками старины (надгробиями), которые представляют интерес в области эпиграфики, а также имеют большую ценность как образцы, сохранившие типичные мотивы орнамента в искусстве резьбы по камню.

Нами было посещено всего до 16 селений, и мы, начав свою поездку от станции Куркачи и доехав до с. Мамся (Кинер), спустились к югу, в направлении к г. Арску. Таким образом, нами был осмотрен район, охватывающий в окружности около ста километров. Главной причиной, обратившей наше внимание на эти места, было то, что как раз в этих пунктах сосредоточено много кустарей и ктому же эта часть кантона изстари заселена татарами.

Здесь сохранилось еще не мало типичных особенностей быта, а также образцов старинных форм декоративного народного искусства—и особенно в памятниках резного камня. Эти положительные свойства Арского кантона для исследовательской работы уже не раз привлекали внимание лиц, изучающих татарскую культуру. Наши итоги наблюдений, регистрации и фотосъемки с художественных процессов кустарных производств, в посещенных нами пунктах, будут опубликованы в ближайшее время, в настоящей же заметке мы намерены остановиться только на обзоре старинного декоративного материала, который нами был зарегистрирован при ознакомлении с резьбой на надгробных камнях.

Имея два задания, нам пришлось, с одной стороны, делать свои остановки в селениях, где сосредоточена работа

кустарей и чувствуется биешие жизни и звонкий смех молодежи и, с другой стороны, иметь остановки в пунктах уходящего далекого прошлого, где яркими пятнами выделяются белые каменные плиты могил у развесистых берез, хранящих их покой. На довольно монотонном типичном фоне холмистого пейзажа Арского кантона татарские кладбищенские дубравы выделяются своими сочными мазками, и эта их характерная особенность как-то рельефно и выпукло звучит в природе.

Наши остановки по изучению эпиграфики и орнамента на старинных памятниках татарских кладбищ были сделаны в следующих пунктах: в Куркачах, Большой Серде, Старых Менгерах, Малой Атне и Старом Узюме.

В каждом из этих пунктов сосредоточены целые группы камней, украшенные каллиграфическими надписями и орнаментированные узорами. В своей композиции узоры имеют несколько определенных типичных мотивов, с классификацией которых я и хочу поделиться.

К самым интересным некрополям по своему разнообразному составу образцов декоративных приемов резьбы должны быть отнесены Большие Менгеры, где сосредоточены памятники XVI и XVII в.в. Особенно любопытные произведения этого вида искусства мы встречаем в Старом Узюме, где имеется до 7 плит XVI и XVII в.в. В настоящей своей заметке мы склонны остановиться на обзоре только самых типичных мотивов и в первую очередь хотели бы отметить узор на памятнике XVI века (Старый Узюм), который идет по краю камня в виде ленты, обрамляющей всю плиту. Этот орнамент представляет собой спиралеобразные завитки растительного характера, бегущие непрерывной каймой по всему краю и увенчанные в верхней своей части в середине плиты цветком тюльпана. Этот тип спиралеобразного орнамента очень древний, и он именуется у искусствоведов под названием «виноградная лоза»². Его первичные формы встречаются даже в античных образцах; в IX веке он не раз попадает в монументальных памятниках арабского искусства (Samarra)³, в XII в. мы видим почти этот же мотив в архитектурном убранстве одного из зданий Термеза⁴ и в XIII веке он имеется в михрабе Дамаска⁵, а также встречается на предметах прикладного искусства Востока⁶.

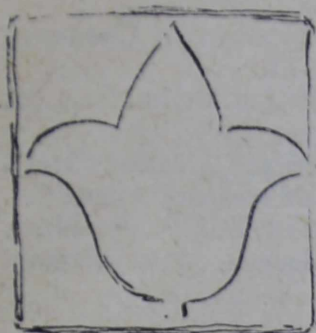
В Поволжье этот мотив встречается у болгар⁷. и, наконец, в XVI веке он же повторяется в разном искусстве казанских татар (Арского кантона). Широкое распространение этого мотива у многих родственных народов говорит за то, что его форма являлась весьма излюбленной, но, конечно, здесь можно быть еще принято во внимание то, что благодаря мусульманскому консерватизму мотив повторялся многие и многие столетия с чисто традиционной целью. Но как бы там ни было, его преемственность с Востока имеется и у казанских татар, и он нами зарегистрирован на плитах в Б. Менгерах (XVI в.), в М. Атне (XVI в.), в Старом Узюме (XVI в.) и в несколько видоизмененной, более пышной, композиции на плитах в Чепчугах (XVI в.) и Куркачах (XVI в.).

Существование в XVI и XVII веках в Казанском крае этого декоративного мотива, конечно, не могло пройти бесследно для прикладного народного творчества; кустарь не мог не обратить свое внимание на характерную особенность этого орнамента, и мы видим, что вплоть до конца XIX века этот орнамент встречается во многих видах кустарно-художественных производств казанских татар. Так, этот узор в несколько стилизованном и модернизированном виде мы видим на свадебных тюбитейках, шитых золотом, на вышивках и особенно на намазлыках⁸ и довольно часто в ювелирных изделиях, как, например, в каймах накосных блях и других металлических предметах.

Следующим узором, на который нами было обращено внимание,—это пышный мотив, по своей композиции изображающий плетенье растительных форм. Кругом этого орнамента, находящегося в верхней части плиты и представляющего как бы заставку к тексту надгробия, идет листообразная, ритмически чередующаяся своими звеньями, расположенными то в одну, то в другую сторону, в виде гладкой ленты—рамка.

Этот мотив особенно удачно представлен на плите (1610 г.) в Старом Узюме. Кроме того, в этом же стиле мы видим подобный же орнамент в Чепчугах. В Поволжье, в более ранний период, этот мотив встречается во многих памятниках декоративного искусства, и, как на один из примеров, можем указать на типичный изразец XIII в. (Собрание Центр. Музея ТССР) подобного же рисунка,

найденный при раскопках Сарая в 1922 году проф. Ф. Баллодом.

К третьему типу узоров, встречающихся почти на всех камнях Арского кантона, мы отметим рисунок тюльпана. Этот вид цветка был особенно любимым в османском искусстве, кроме того он часто воспроизводился на персидских тканях и коврах. В Поволжье он попадает на изразцах Золотоордынского периода. На надгробиях казанских татар этот рисунок встречается на памятниках XVI в. (Б. Менгеры). Узор украшает как лицевые стороны плит, будучи использован в кайме повторением своего рапорта по всему протяжению обрамления, или же как мотив, увенчивающий верхние части растительного орнамента заставки, и, наконец, на обратных сторонах плит, как рельеф большого клейма, замыкающегося в форму квадрата. Особенный эффект он производит в последнем случае, где полуглубоким узором с ярко подчеркнутыми контурами он занимает довольно большое пространство в середине плиты, красиво и монументально возглавляя несколько слов изречения.

Имеется еще несколько разновидностей этих же узоров, но они не являются характерными мотивами татарского старинного некрополя.

Мы, не претендуя в настоящей работе на какой-либо тонкий анализ орнаментировки старинных памятников, имели в виду только поделиться нашими наблюдениями. Заканчивая свою заметку, мы должны сказать, что опыт, предлагаемый нами по классификации и увязке старинного орнамента с современными узорами прикладного искусства, является проблемой, разрешение и разработка которой должна быть выполнена в ближайшее же время: иначе невозможно изучать все виды кустарных художественных изделий, которые до сей поры не утратили еще своего интереса и значения в жизни казанских татар.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Приношу глубокую благодарность проф. Б. П. Денике за разрешение пользоваться его библиотекой для настоящего очерка, а также за полезные указания его в вопросах восточного орнамента.

2. С. Lamm. Svenska orientalsällskapets årsbok, 1926. Stockholm.
 3. E. Herzfeld. Der Wandschmuck der Bauten von Samarra und seine Ornamentik, Band I.
 4. Б. Денике. Экспедиция Музея Восточных культур в Среднюю Азию. 1927 г. Сборник Восточных Культур. Стр. 13.
 5. С. Lamm. Svenska orientalsällskapets årsbok, 1926. Stockholm. Стр. 25. Fig. 3.
 6. А. Половцев. Заметки о мусульманском искусстве. „Старые годы“. 1913 г. Октябрь. Стр. 14. (Таблица, изображающая медный кумган).
 7. Предмет конской сбруи. (Центральный Музей ТССР. № 20).
 8. П. Дульский. Искусство казанских татар. Москва. Центроиздат. 1925 г. Таблица XI.
-

ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ БОЛГАРО-ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕТОМ 1928 года.

(Краткие отчетные сведения).

А. С. Башкиров.

Летом 1928 г. на территории Татарской ССР производилась работа «Экспедиции по изучению Болгаро-Татарской культуры». Экспедиция была организована еще зимой 1928 г. на основе объединения научных учреждений¹ Т. Р. под эгидой Академического Центра Татнаркомпроса и Московского Института Народов Востока РАНИОН и Научной Ассоциации Востоковедения ЦИК СССР. Научное объединение было подкреплено и материальным кооперированием². Для успешного проведения экспедиции был организован особый Комитет из представителей учреждений³, который выделил из своей среды руководящую группу. В план экспедиционной работы на лето 1928 г. вошли рекогносцировочные изыскания: 1) на территории городища Биляр в Чистопольском кантоне с подготовкой работ к дальнейшим систематическим исследованиям, 2) в Казанском Кремле и 3) на городище Эски-Казан, Арского кантона.

В начале июня экспедиционный отряд выбыл чрез Чистополь в сел. Билярск⁴.

Работы на городище Биляры сосредоточились в следующих вопросах: а) топографический инструментальный обмер городища и его обороны; б) разрез внешнего, среднего и внутреннего валов со рвами для выяснения их архитектурной структуры; в) рекогносцировочный зондаж основной территории городища шурфовкой для выяснения культурного содержания и характера культурных слоев по азимуту (С.-Ю.), взятому в восточной половине городища, и г) общий обзор окрестностей городища к С. в пределах между с. с. Горки (на В.) и Никольский-Баран (на З.) с глазомерной с'емкой памятников и сбором под'емного материала.

Топографическими работами руководил проф. В. Н. Сементовский, и они будут опубликованы особо.

Обследование обороны городища было произведено в двух пунктах: в восточной части около дальних кирпичных сараев по берегам (?) речки Елшанки, где внешний и средний валы подходят наиболее близко один к другому, и в юго-восточном углу основной площади городища во внутреннем валу у группы холмов, известных у населения под именем «шишки».

Первый пункт обследования обороны представляет место, где внешний и средний вал близко подходят друг к другу. Разделяет эти два кольца обороны низкое топкое пространство шириной ок. 60 метр., по которому, извиваясь, проходит р. Елшанка. Границами приречной болотистой низины здесь служат внутренний скат внешнего вала и внешний среднего. Валы, ограничивая пойму речки, приспособливают ее к целям обороны. Последнее видно и из того, что средний вал в означенном месте не имеет рва.

Изучение внешнего вала в зондажном порядке было предпринято на С. от кирпичных сараев у первого (от сараев) прорыва вала—на месте предполагаемого проезда или «ворот». Внешний вал здесь ориентируется с С.-З. на Ю.-В. Высота вала над современной почвой от 1,5 до 1,25 мтр., при ширине у современной подошвы ок. 8,5 метр. Пред пролетом «ворот» вал сильно понижается скосом и кончается в разрезе «вилкообразной» формой, расчлененный поверх мелким ровиком. Поверхность вала покрыта «девственным» густым ковылем, что говорит за целостность почвы—она не потревожена. Прилегающий к валу ров имеет в современном состоянии ок. 3 метр. глуб. и ок. 12 метр. шир., дно его плоское, затянутое затеком из темно-серой илистой земли. Разрез внешнего вала дал следующие детали: насыпь вала в основной своей массе под верхним дерновым покровом представляет чернозем, смешанный с местной материковой глиной, взятой из рва; чернозем выступает то смешанным с глиной, то крупными темными пятнами в общей серо-коричневой массе. С первых же штыков лопаты под дерновым ковыльным покровом в насыпи встречались разбитые и целые кости животных и керамические фрагменты типичной «булгарской» посуды. На глубине 0,45—0,50 мтр. отмечена тонкая чер-

ноземная полоса (0,02—0,04 мтр.) с ясными остатками погребенной почвы с растительным волокнистым покровом; под черноземным слоем идет слой насыпной материковой глины на глубину от 0,80 до 1 мтр. от современной поверхности вала. И слой чернозема, и слой глины имеют толщину тем больше, чем ниже спускается вал. В насыпи вала с внутренней стороны вдоль его на глубине 0,65 мтр. были обнаружены остатки 2-х деревянных брусьев, горизонтально лежащие один на другом; высота каждого бруса 0,10—0,12 мтр. при ширине их постелей 0,15—0,16 мтр. Брусья лежали на подкладке из чистой глины в 0,8—0,10 мтр. В слое, окружающем брусья, встречались керамические фрагменты, битые кости животных и угли. На глубине 1,20—1,35 мтр. от вершины вала, по его склонам, на глубине 0,45 мтр. от наклонного почвенного слоя вперемежку с «болгарскими» темными керамическими фрагментами находились черепки грубой керамики с примесью толченых раковин с шнуровым орнаментом по бортику сосудов.

В насыпи вала с внешней стороны, на глубине от вершины в 1,25 мтр., обнаружены 3 обгорелые бревна, расположенные горизонтально одно над другим по скату вала (а не по вертикали), представляя своеобразную обкладку (или крепиду) вала. Под бревнами идет слой насыпной культурной почвы и под ним—почвенная глина; и первая, и вторая насыщены типичной «болгарской» керамикой и костями животных, но культурно почвенный слой насыщен на всей его толщине, а глина—только сверху. В глинистых верхних слоях встречены мелкие плитки из песчаника, вероятно, следы строительного мусора.

На глубине 1,70—1,80 мтр., а местами 2—2,10 мтр. наблюдается подошва вала, которая лежит на культурном слое (оказавшемся весьма интересным своим содержанием). В верхних его частях были вскрыты 2 кострища, одно под внешней полкой вала, имея длину с С. на Ю. до 1,60 мтр. при толщине в 0,1 мтр.; второе кострище в 0,80 мтр. от первого на С.-З.—почти под центром вала; оно было более обширное и имело почти круглую форму с диаметром до 2 мтр. при толщине в 0,15 мтр. В кострищах и между ними встречалось много разбитых и обожженных костей домашних животных и фрагменты той же «болгарской» керамики, которая находится в насыпи вала; присутствие ее

наблюдается и в древнем почвенном слое вплоть до материка. Обнаруженный почвенный слой под валом, содержащий культурные остатки, был подвергнут вскрытию до материка, оказавшийся на глубине 0,55—0,60 мтр. от поверхности обнаруженного почвенного слоя. Изучение рва дало профиль его мелко-овальной формы. Материковое дно рва в центре имеет неровное продольное углубление ок. 0,45 мтр. при ширине не в 0,50 мтр. с шероховатым слегка волнистым дном, что объясняется, вероятно, действием ручья или воды канавки, находившейся на дне. Ров имеет глинистый затек земли с небольшим количеством культурных остатков кости и черепки в части около вала.

Изучение конструкции среднего вала было произведено у «дороги Билярск—Чувашский Адам» около «горно» (кирпичная обжигальная печь).

К Ю. от «горно», сооруженного в валу, находится яма, вырытая для добывания глины под кирпич с диаметром до 10 мтр.

(Пользуясь обрезом ямы, мы могли установить общие линии высот вала и его конструкций). Для выяснения деталей внешней и внутренней формы вала была проведена по краям ямы на С.-В. и Ю.-З. траншея. Последняя во внешней части ямы дала на протяжении 6,85 мтр. под дерновой поверхностью насыпь из материковой глины, сильно прослоенной и перемешанной с черноземом.

Необходимо было выяснить конструкцию вала и в верхних его частях. Для этого в целине верха вала был заложен шурф $1\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ глубиной до $2\frac{1}{2}$ мтр. в расстоянии 2 мтр. от ю.-в. края ямы. Насыпь вала по данному шурфу представляет материковую глину смешанную, а местами прослоенную насыпным черноземом; на глубине 0,45—0,50 мтр. от вершины наблюдается почти ровный почвенный слой в 0,02—0,04 мтр.; очевидно, это был верхний покров первоначального вала. В верхнем слое вала—над погребенным покровом первоначального вала в насыпи наблюдаются илистые элементы, смешанные с песком, и остатки болотистых трав, от того, что насыпь вала была произведена землей, взятой из засоренной поймы Елшанки и из ее русла.

Для выяснения того, не было ли каких-либо фортификационных сооружений поверх вала (тын, оплот, срубы

и т. п.), была прозондирована вершина вала шурфами 1 на 2 мтр. поперек вала при глубине в 1 мтр. Шесть шурфов шли по валу на Ю.-В. на расстоянии 10 мтр. один от другого, и только последний, перенесенный за дорогу «Билярск—Чувашский Адам», отстоял на 40 мтр. Шурфы не дали признаков надваловых сооружений, но во всех шурфах проходил почвенный покров первоначального вала и илисто-песчаная структура у насыпки вала.

Дальнейшее обследование обороны было перенесено на кольцо внутреннего вала, в ю.-в. углу его у урочища «Шишки». Внутренний вал имеет виллообразную форму с ровиком в центре. У внешней южной его стороны сохранился широкий и плоский, сильно заплывший ров, а за рвом на невысоком естественном холме находятся группы коротких валов («шишки») в форме треугольника с приподнятой в центре площадью. Это, вероятно, остатки оборонительных сооружений на подобие форта, прикрывающего подступы к валу.

Для изучения вала, рва и «форта», мы заложили по линии С.-Ю. в 130 мтр. 43 шурфа 1,50×1,50 мтр. с пролетом в 1,50 мтр. При встрече с чрезвычайными находками (погребения, остатки архитектурных сооружений и др.) шурфы расширялись.

Современная высота внутреннего вала от материка в изучаемом пункте достигает 3,50 мтр. Глубина ровика вала 0,90—1,20 мтр. Вал возвышается над площадью городища на 2,50—2,60 мтр. и над современной поверхностью рва на 4,25 мтр. Насыпь вала представляет материковую глинистую, перемешанную с черноземом. В насыпи его встречаются разнообразные фрагменты «болгарской» посуды, обломки животных костей и части строительного мусора (обломки кирпича, мелкий известковый камень, куски песчаника и мелкие куски известки). На глубине 0,60—0,65 мтр. от вершины вала находится вершина первоначального вала; слой же насыпи выше обнаруженной древнейшей вершины представляет насыпку его. Весьма интересно и то, что первоначальный вал подвергся ряду присыпок, что замечается в ряде прослоек его вершины. Ни в современной вершине вала, ни в вершине первоначального вала не наблюдались следы надваловых построек. Полы вала сильно утолщены намывами и наметами земли.

Ров, как и у внешнего вала, имеет плоско-овальную форму с широким (1,50 мтр.) желобом глубиной 0,50—0,60. Ров вырезан в материке глубиной в 1—1,20 мтр. В настоящее время он весьма заплыл илисто-черноземным натеком, влажным и в настоящее время от того, что он является, как низкое место, бассейном для стока дождевых и других вод с окружающей территории. В верхних слоях почвы рва встречались куски кирпича, мелкого известняка и очень мало фрагментов посуды и костей.

От рва шурфы поднимаются на северный скат северного вала «форта» и переходят чрез вал на небольшую повышенную площадь «форта».

Прорезая вал «форта» и площадь форта, шурфы зондажа обнаружили могильник. По линии шурфов вскрыто 7 погребений. Структура вала форта смешанная; в ней встречается строительный мусор (битый обожженный и сырцовый кирпич, мелкий в округленных формах известняка, куски раствора глины с песком и др.), кости животных и темно-красные черепки. Насыпь, состоящая из перемешанной глины с культурно почвенной землей, имеет серый цвет от присутствия золы и угля. Она взята с мест разрушенного и давно покинутого поселения. Вал и площадь «форта», как мы уже указали, стоят на могильнике, существовавшем, по всем данным, до основания «форта». Схема погребений такова: костяк лежит головой на С.-В., на материке, в вытянутом положении на спине, голова обычно с поворотом на правую щеку; руки или вытянуты вдоль туловища, или же лежат кистями на бедрах, или же, согнутые в локтях, — на животе; ноги или вытянутые вдоль, или же, слегка, согнутые, поджаты в коленях.

Инвентарь погребений был весьма бедный: фрагменты местной посуды, угольки, известняковые камешки; нет следов гробовища или колоды. Погребения обычно на глубине от 0,80 до 1,30 мтр. от современной поверхности «форта». На площади «форта» и южного вала шурфы обнаружили остатки крупного кирпичного (обожженный кирпич и кирпич-полусырец) здания со сложной и обширной системой центрального отопления.

Внешний вид территории, под которой скрывались остатки здания, представлял всхолмленную и изрытую ямами кургановидную насыпь.

На первых же штыках лопаты насыпь показала, что здесь находились следы кирпичного сооружения. Битый и целый кирпич, перемешанный с землей, имел характер или мусорных куч, или же места для добычи кирпича из разрушенного здания. Последнее стало быстро подтверждаться тем, что уже в первых штыках начали встречаться крупные фрагменты разрушенных стен. Это заставило перейти от обычной шурфовки к расширению работ в систему раскопок. Из шурфовки с ее квадратными выемками по $1,50 \times 1,50$ мтр. с пролетами в 1,50 мтр. исследование перешло в систему «квадратно-послойного» метода. Линия шурфов была превращена в траншею при систематической раскопке (с предохранительными бровками) перемычек шурфов. Раскопка вскрыла только часть сооружения, а потому особых выводов приведено не будет.

Вскрытая часть здания передает конструкции (нижних его, вероятно) подпольных сооружений. Основным материалом в кладке масс стен является формованный чистый полусырцовый кирпич и в местах ответственных (в прослойках горизонтальными рядами, в антовых частях стен, в кладке мелких конструктивных деталей, во внешних углах и др. местах) хорошо обожженный кирпич. И тот, и другой кирпич имеет плоскую квадратную форму; раствором для связи кладки кирпича служит илистая глина с небольшим количеством алебаstra, почти растворенного в основной массе.

Общая масса части открытого памятника представляет два высоких кирпичных монументальных массива, с комплексом стен на С. и на Ю., представляющие как бы фундаменты—для тяжелых опорных пилонов и стен здания. Между ними находится целая система дымоходных каналов, выложенных из обожженного кирпича. Форма каналов в разрезе представляет углубленный прямоугольник, перекрытый сводиками по системе ложного свода (путем выдвижения кирпичей одного над другим). (См. рис. 1—2).

Вскрытая система дымоходных каналов идет в две группы на З. и на В., соединенные между собою, имеющие ответвления, выходящие на С. и на Ю. за пределы монументальных массивов; она входит в части стен, прилегающие к массивам, а также переходит из горизонтального положения под прямым углом в вертикальное с выходом

наверх. Вертикальные каналы обычно выложены из обожженного кирпича, но в одном месте открыта гончарная труба высотой 0,47 мтр. при диаметре с овальной формой 0,17×0,14 мтр. Каналы были целиком заполнены сажой. Верхние профили сооружения обезображены грабительской выемкой кирпича и падением стен, так что приходилось с сугубой осторожностью сохранять уцелевшее.

В виду ограниченности средств пришлось при окончании работ вскрытое сооружение прикрыть рогожами, соломенной подушкой и присыпать землей до изысканий будущего года, когда необходимо расследовать памятник до конца со всеми сохранившимися конструктивными деталями.

Каково было назначение данного сооружения, пока трудно сказать, одно видно, что оно было монументальных размеров, сложных конструкций и с развитой системой отопления.

Форма кирпича относится к монгольскому периоду.

При обследовании руин было найдено много фрагментов «болгарской» посуды, но культурные слои так были перебиты при грабительской выборке кирпича, что можно говорить только о датировке керамики в ее массе.

Рекогносцировочный зондаж основной территории городища для выяснения содержания и характера культурных слоев был произведен по азимуту С.-Ю. в восточной половине городища по «Старо-Протяжной» дороге, проведенной еще генеральным межеванием. В селении Старо-Протяжной дороге соответствует продолжением к С. «Салотинная» улица, которую пересекает с В. на З. северная часть внутреннего вала.

От подошвы южной части внутреннего вала до подошвы северной его части по Старо-Протяжной дороге и Салотинной улице Билярска и прошла на расстоянии 1300 мтр. линия зондажных шурфов. Шурфы размером 1¹/₂ на 1¹/₂ мтр. проведены чрез каждые 25 мтр.

При зондаже почвы тщательно наблюдался характер слоев культурной почвы с тщательной фиксацией горизонта местонахождения памятников. Каждый шурф достигал до грунта, глубина которого от поверхности была самая разнообразная (0,60—0,70 мтр. до 1,50—1,70 мтр.). Один из них (№ 13) попал на заброшенный колодец (глубина которого оказалась больше 5 мтр.).

Рекогносцировочный зондаж шурфами дал богатый материал, подвергаемый научной обработке.

К материалам зондажа городища относятся керамические, костные, металлические и др. находки.

Цепь шурфов нанесена на топографический план городища.

Рассматривая керамические находки городища, можем составить схему, характеризующую древнюю культуру Биляр. В верхних слоях встречается «татарская» керамика, которая имеет красную глину, хорошо обожженую в закрытом горне, с резным орнаментом, состоящим из тонких пучков горизонтальных прямых, волнистых, зигзагообразных и др. параллельных линий, а также коротких наклонно-пересекающихся. По форме это колоколообразные высокие с прямым горлом, плоским дном горшки, широкие плоски с прямым или слегка загнутым вовнутрь бортиком и плоским дном и кувшины с овальным туловом, невысоким горлом с отогнутой лейкой, одной ручкой и плоским дном. Эта керамика в эпоху XIII—XV в.в. обильно встречается на городищах Среднего Поволжья, в Подонье, Прикубанье, на Таманском полуострове, в Крыму и др. местах. Она интересна здесь как культурная и хронологическая характеристика почвенного слоя и далеко не доминирует над всей посудой. Рядом с ней живут элементы местной керамики, которые характеризуют древние периоды собственно Болгарской культуры. Местная керамика дает схему 2-х основных культурных периодов: поздне-болгарского и ранне-болгарского; к первому нужно отнести широкие и неглубокие плоски, широкие с отогнутыми краями горшки, низкие узкогорлые кувшины, небольшие плоски, лампочки и др. Глина этой посуды или ярко-красная, или коричневая, или темно-стальная, хорошо промешанная и обожжена. Орнамент штампованно-резной и резной, представляющий разные мотивы волны в одну линию или пучком, или мелко зубчатые короткие обрезки. К ранне-болгарской нужно отнести широко-горлые с высоким бортиком и почти шаровидным туловом горшки, шаровидные кувшины с широким горлом и др. Глина преимущественно коричневая и часто с ней рядом черная и темно-серая. Орнамент почти тот же, какой и в позднюю эпоху, но волны более крутые и часто сжатые, острые, встречается и веревочный орнамент. Керамика

ранне-болгарская сопровождается и другой, имеющей форму шаровидного горшка с весьма высоким (до 0,05) бортиком. Глина их черная или коричневая и обычно смешанная с крупно-толченой ракушкой. Орнамент преобладает веревочный.

Схема керамического материала из городища Биляр, как видно из сказанного, рисует нам три крупных периода его культурной жизни: ранне-болгарский, поздне-болгарский и болгаро-татарский.

Последней работой в Биляре был общий обзор с топографической фиксацией и сбором под'емного материала его окрестностей к С. от городища, в пределах между селениями Горки и Никольский-Баран, по возвышенности над поймой р. Малый-Черемшан.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Дом Татарской культуры, Об-во Татароведения, Об-во Археологии, Истории и Этнографии при Каз. Гос. Университете, Музейный Отдел ТССР, Центральный Музей ТССР и др.

2. Акад. Центр Т.Р. (из средств Музейного Отдела)—1000 руб., Ин-т Народов Востока—1000 р.

3. Личный состав Комитета: М. Х. Тагиров—председатель (Акад. Центр ТНКП), В. В. Егерев—зам. председателя (Музейный Отдел ТССР), А. С. Башкиров (Институт Народов Востока в Москве), И. Н. Бороздин (Научная Ассоциация Востоковедения), А. К. Булич (Музей в Чистополе), П. М. Дульский (О-во Археологии, И. и Э.), Н. Ф. Калинин—секретарь (Центральный Музей ТССР), П. Е. Корнилов (Музейный Отдел ТССР), Конов (В.К.П.-6), А. Рахим (О-во Татароведения), Сюничеев (Дом Татарской Культуры) и Э. Ш. Тагиров (Институт Народов Востока).

4. В Билярском Отряде работали: А. С. Башкиров, Али Рахим, В. Н. Сементовский (проф. Казанского У-та), А. К. Булич, Н. Ф. Калинин, П. Е. Корнилов, Л. И. Вараксина, Гафаров, Э. Ш. Тагиров, А. А. Байшева (Институт Народов Востока), А. А. Марущенко (студент 1-го М. Г. У.), Акчурина, Н. Г. Спиридонов, Усеинов, Абдуллин—(студ. В.П.И), Конов и А. А. Некрасов (студ. Ленинградского Института Живых Восточных языков), а также местные билярские педагоги-краеведы.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В КРЕМЛЕ.

I. РАЗВЕДКА БЛИЗ КИПРИАНОВСКОЙ ЦЕРКВИ.

И. Н. Бороздин.

Казанский Кремль уже давно дожидается археологического обследования. Целый ряд вопросов, связанных с его топографией, застройками и перестройками, настойчиво требует вмешательства археологической лопаты. Многие гипотезы и домыслы остаются висящими в воздухе, не подкрепленные достаточной материальной документацией. Особенно существенным и интересным является вопрос об остатках татарской культуры, каких-либо памятниках эпохи независимого Казанского Ханства. Здесь, поистине, каждая мелочь, каждый небольшой фрагмент может явиться нужным и важным историческим свидетельством.

Летом 1928 г. по инициативе Академического Центра Татнаркомпроса были предприняты археологические работы на территории Кремля. Эти изыскания, произведенные в форме рекогносцировочных археологических разведок, оказались достаточно эффективными. В настоящей краткой статье я хотел бы остановиться лишь на одном моменте кремлевских работ,—на археологической разведке близ церкви Киприана и Устинии (неподалеку от Спасских ворот).

Эта рекогносцировка была связана с вопросом о границе старого татарского Кремля. Есть основание предполагать, что Кремль в татарскую эпоху не вполне совпадал с пределами русского Кремля. При возведении каменных стен русскими строителями территория Кремля была расширена, при чем наибольшее увеличение произведено было в южном направлении. В. В. Егерев высказал любопытное предположение, что стена татарского Кремля проходила неподалеку от Киприановской церкви. Приведя данные Писцовой книги, В. В. Егерев говорит: «Царев двор, как это явствует

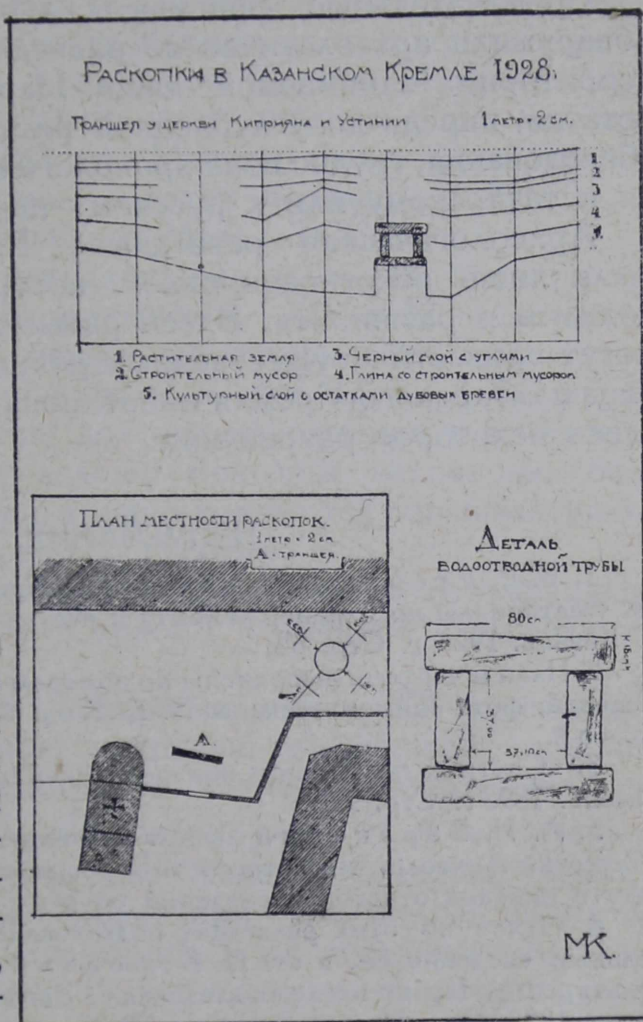
из старых планов Кремля, находился напротив Преображенского монастыря через Кремлевскую улицу, и в этом случае двойное упоминание о старой стене вполне согласуется и точно определяет направление самой стены, стоит только принять, что Киприановская церковь стояла внутри старой стены, а царев двор был построен снаружи ее, тогда стена татарского города проходила по направлению северных границ усадеб монастыря и царева двора. Совпадение направления этих границ еще больше убеждает в сказанном, а имеющийся в этом месте перелом—в виде уступа—направления восточной стены, м. б. объясняется не чем иным, как конструктивным обходом существующей стены»¹.

Предпринятая нами разведка и имела целью произвести соответствующие разрезы слоя на территории между Киприановской и Спасской церквями.

Отступя пять метров от Киприановской церкви, была заложена 8-ми метровая траншея (при 1 м. ширины) в направлении СВ на ЮЗ. Траншея дала прекрасные разрезы культурных слоев, отчетливо иллюстрирующих все происходившие смены наслоений, пожарища, перестроек и т. д.². Выявлено было пять слоев, общая высота которых (в 8 квадратах варьировалась от 1,38 м. до 2,15 м. Характерно, что слои от 1,60 м., увеличившиеся до 2,15 м., затем снова сокращаются до 1,38 м. Первый слой—перебуторенная растительная почва с камнями,—имел высоту от 0,10 м. до 0,35 м.; второй слой—строительный мусор (кирпичи и пр.) от 0,19 м. до 0,30 м.; третий слой—черный слой с углями (остатки пожарища) от 0,12 до 0,55 м.; четвертый слой—глина со строительным мусором от 0,35 м. до 0,60 м.; пятый слой—культурный слой с остатками дубовых бревен от 0,35 до 1,05 м. Особенный интерес представляет 5-ый слой, относящийся б. м. к татарской эпохе. Его высота особенно резко варьируется: в 1 квадрате—0,35 м., во 2 квадрате—0,40 м., в третьем квадрате—0,83 м.; в четвертом квадрате—1,05 м.; в пятом квадрате—0,68 м., а в восьмом квадрате уже 0,43 м. Определенное углубление слоя, лежащего на материке, указывает на старинную стройку (как раз в этих квадратах найдены и фрагменты дубовых бревен). При раскопке обнаружены были (в 3 и 4 квадратах) остатки старинного водоема, ранее не зафиксированного.

Ширина водоема 0,37 м., глубина 0,37 м., длина плиты 0,80 м., ширина 0,30 м., толщина 0,18 м. Прослежен водоем на расстоянии 2,27 м., для чего пришлось в третьем и четвертом квадратах расширить траншею. Под водоемом были обнаружены, как уже отмечалось, остатки дуба (дубовой стройки). Можно предполагать, что эти дубовые остатки относятся к татарской эпохе и являются первичной кремлевской стройкой, которая затем уже была сменена русской (псковской) стройкой после завоевания.

Находка остатков дубовой стройки на территории Кремля не является единичной. В этом отношении заслуживает большого внимания свидетельство проф. Н. П. Загоскина, который в своем «Спутнике по Казани» (1895 г.) пишет следующее: «Лет 12—14 тому назад, когда начиналась постройка нового надворного корпуса, расположенного в западной части Кремля юнкерского училища, пишущий эти строки совместно с местным археологом П. А. Пономаревым были командированы Казанским Обществом Археологии, Истории и Этнографии для наблюдения

за траншеями, которые прокладывались под фундамент будущего здания. Одна траншея, продолженная нами к западу, перпендикулярно к нынешней Кремлевской стене, прорезав культурный слой с остатками пожарища и с кусками окалины и обломков штукатурки, пересекла несомненные

следы основания обгоревшей деревянной (дубовой) крепостной стены, пролежавшей в саженях 15 (внутри) от нынешней западной кремлевской стены»³.

Эти показания (особенно, определенное упоминание о «дубовой крепостной стене») очень любопытны, но, к сожалению, кроме этой краткой ремарки никаких более подробных данных о проведенных Н. П. Загоскиным и П. А. Пономаревым работах не имеется⁴. А между тем, здесь весьма существенными были бы сопоставления.

Примечательные фрагменты дубовой стройки (сруба) обнаружили археологические разведки истекшего года на территории, занимаемой ныне Наркомпросом⁵. Но эти остатки, впредь до углубленной раскопки и всестороннего обследования, трудно пока хронологически датировать, относя к татарскому или к русскому периоду.

Археологическая разведка у Киприановской церкви была лишь рекогносцировкой, которую необходимо продолжить и расширить. Здесь разыскания, судя по началу, могут привести к существенным результатам. Вопрос о границах татарского Кремля имеет, повидимому, шансы найти здесь некоторое разрешение.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. В. В. Егере в. Стены Казанского Кремля и работы по ремонту их. «Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР.» II. Казань. 1928 г. Стр. 64.

2. План и чертежи выполнены по обмерам В. В. Егерев а М. В. Кошелевой; фото-снимки сделаны П. Е. Корниловым и Ф. С. Осиповой.

3. «Спутник по Казани» под редакцией проф. Н. П. Загоскина. Казань. 1895 г. Стр. 97.

5. Л. И. В а р а к с и н а любезно сообщила мне, что в протоколах Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете никаких отчетов и сведений об этих работах не имеется.

4. Отчет об этих разведках подготавливается к печати. Предварительные сведения см. в ст. И. Б о р о з д и н а «Из области татарской культуры. (Научно-исследовательская Экспедиция в Татарской Республике летом 1928 г.)». «Новый Восток», № 25.

ПОСЛЕДНИЕ НАХОДКИ ВОСТОЧНЫХ МОНЕТ В БОЛГАРАХ.

А. В. Васильев.

Летом минувшего 1928 г. (28 мая) в с. Болгарах, Спасского кантона, на расстоянии 200 метров от полевых ворот, по Слободской дороге, к ю.-в. от Малого Минарета, гр. Александром Пичкасовым найдены были медные монеты в количестве 252 шт. Монеты были приобретены в Музейный Фонд Отдела, а затем переданы в Археологический Отдел Центрального Музея ТССР¹.

По ознакомлении с находкою, оказалось, что все монеты относятся к числу золотоордынских—XIV в. Монеты однообразного содержания, невысокой сохранности, свидетельствующей о том, что они были в свое время в большом употреблении; вследствие долгого нахождения в земле все они покрыты налетом зелени, при чем некоторые, без предварительной очистки, трудно поддаются ознакомлению, а около 15 штук совершенно стертые.

Все монеты—безыменные, но большинство—с указанием места чекана—в Новом Сарае; 1 монета—в Болгарах и 1—в Мухши.

1. Из общего числа найденных монет 221 экземпляр (или 87^{0/0})—с одинаковою надписью на лицевой стороне и одинаковым изображением на обратной стороне. На Av. ее значится: *صرب سراى الجليله اون التى دنك*, т. е. „Чекан Сарая Нового, шестнадцать денег“; а на Rv. имеется фигура, похожая на двухглавого орла, при чем на 151 экз. эта фигура примитивного начертания, а на остальных 70 экз. более совершенного типа. В репродукции настоящего сообщения мы приводим три образца описываемой монеты, при чем образцы под № 2 и 3 не оставляют сомнения в определении названия фигуры двухглавым орлом.

Эта монета описана акад. Френом в его сочинении: „*Recensio numorum*“ (1826 г.) на стр. 404, под № 13, а в другом его сочинении „Монеты ханов Джучидов“ (1832 г.)—

под № 387, при чем в таблице X приведен и рисунок ее (типа нашего образца № 1). В том и другом сочинении Френ относит описываемую монету к числу „достопримечательных“, хотя и „весьма часто встречающихся“ (*frequentissimus numus*): Такое суждение авторитетного лица значительно поднимает ценность нашей находки. Можно сожалеть об одном, что на описываемой монете (как и на других) нет указания на время чекана и лишь предположительно, по аналогии с другими (№ 69 „Монеты ханов Джучидов“), а также если иметь в виду, что вообще монеты чекана Нового Сарая не восходят далее 710 г. х. (или 1310 г. н. э.), можно допустить, что она выбита в первой половине XIV в. А. Ф. Лихачев, в примечании к монете Ново-сарайской 743 г., помещенной в „*Recensio numorum*“ (стр. 228), говорит, что „существует медная монета—пул по надписи на Rv. совершенно сходной с описываемой Френом, но на Av. ее находится изображение двухглавой птицы“. Т. обр. не будет большой ошибкой высказать мнение, что описанная нами монета выбита в последние годы царствования хана Узбека, или в первый год царствования Джанибека.

2. В ограниченном числе (всего лишь 2 экз.) в кладе нашем оказались монеты чекана Болгар. Образец одной из них мы приводим в репродукции № 4. Она не представляет какой-либо особенности и своевременно описана в цитованных сочинениях Френа „*Recensio numorum*“, стр. 400, № 7, а в „Монетах ханов Джучидов“—на стр. 36, № 374. На Av. содержится краткая надпись „Чекан Болгар“— ضرب بلغار, при чем второе слово—в вычурном изображении, а на Rv. помещена фигура с 9 полями.

3. В таком же количестве (2 экз.) мы имеем в нашем кладе и монеты Узбек-хана, чеканенные в Сарае и описанные Френом в „*Recensio numorum*“, стр. 218, № 36, а в „Монетах ханов Джучидов“, № 56. На Av. ее изображен лев, за спиной которого видна половина солнца, на Rv. имеется надпись: „حکم همايون“—„Высочайшее повеление“. Френ относит эту монету ко времени того же хана Узбека—737 г. х. (1336, 7 г. н. э.); на нашем экземпляре этих данных не сохранилось.

4. Две монеты имеются в описываемой нами находке по 1 экз., но они являются, однако, заслуживающими

наибольшего внимания, так как доселе нам не пришлось видеть их описания. В репродукции нашей они значатся под №№ 6 и 7. Первая из них имеет на Av. надпись: ضرب محشى — „Чекан Мухши“, в середине этих слов помещено т. н. монетное украшение, крупнее обыкновенно употребляющегося на Джучидских монетах; слева наверху: крупная цифра 7 с звездочкой сверху, а по сторонам малые—5 и 2, что возможно принять за 752 г. На Rv. содержится надпись крупная кувическая, при чем строки идут в двух направлениях: а) حان و دانك, б) слово, похожее на حر و موت или نوردت. (К сожалению в этом слове две буквы плохо сохранились); а последняя строка на монете совершенно мало обнаруживается—видны лишь верхние оконечности букв.

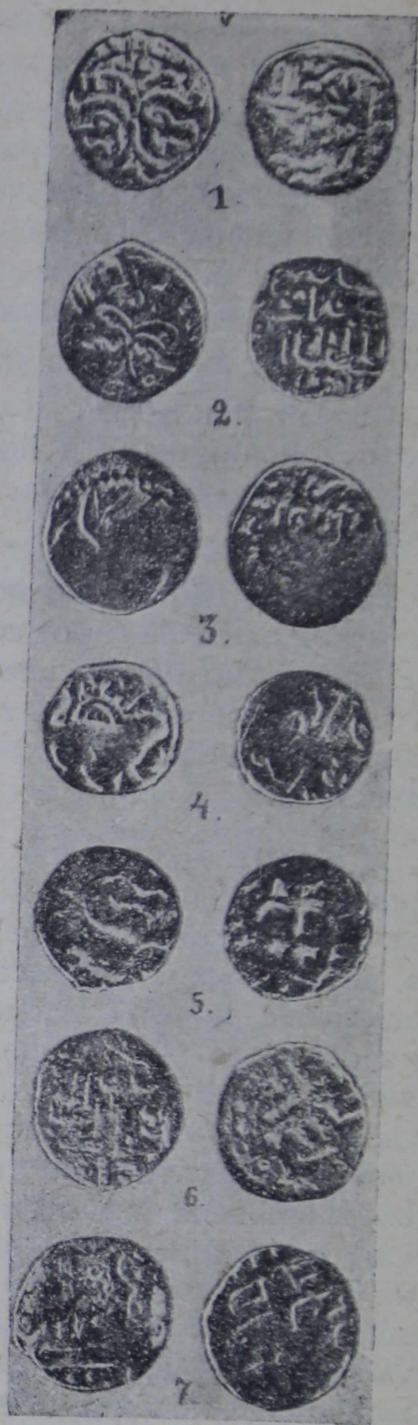
Ни акад. Френ, ни последующие нумизматы не выяснили точно, что за город скрывается под словом Мухши, хотя все же можно более всего согласиться с предположением П. С. Савельева², что таковым был город на месте Мокшанска (Пензенской губ.)—видный населенный пункт мордвы-мокши.

В Золотоордынскую эпоху монет с указанием места чеканки Мухши выпускалось, видимо, довольно значительное число, при чем в пределах Пензенской губ., как видно из некоторых отчетных данных по произведенным там раскопкам, монеты эти встречаются в преобладающем количестве—до 60% общего числа найденных монет. Можно думать, что недалеко то время, когда завеса неизвестности мокшанской монеты несколько приподымется и лица, специально исследующие типы этой монеты, придут к определенным выводам о назначении этой монеты и расшифруют ее надписи. Мы были бы довольны, если бы и наш тип принес им хотя бы небольшую пользу. В описаниях этой монеты Френа мы видим образцы ее 717, 718, 720, 722, 731, 751 и 758 г.г., т. е. чеканенные при Узбек-хане, Джанибеке и Кильдибеке (Recensio numorum“, стр. 206—208, 210, 241, 274, 406 и 407); они встречаются на Rv. с тамгою, фигурой зверя, печатью Соломона и др. украшениями. Но среди них мы не видели образца нашей находки.

Столь же интересен и второй экземпляр монеты из оказавшихся в единственном числе и значащийся на репродукции под №7. На обеих сторонах ее имеется одна и та же надпись: *التى دنك اون* — „шестнадцать денег“, причем на Av. эти слова размещены с боков и снизу тамги, несколько отличной от обычно употребляющейся на Джучидских монетах (похожей на описываемую Френом в „Монетах ханов“ за № 55); на Rv. этой тамги уже нет, а приведенные три слова размещены в ином порядке: *اون دنك التى*.

Мы не видим в соч. Френа, Григорьева и Савельева, описывавших монеты Джучидов разных кладов, образца монеты, подобного только-что поименованному нами, и потому имеем основание причислить и эту монету к ряду редких.

Таким образом, недавняя болгарская находка медных монет является интересною как прикрепленная к точно определенному месту и состоящая почти исключительно из монет с двухглавым орлом, признанных еще акад. Френом, как выше было указано, достопримечательными. Особенно же приятно подчеркнуть наличность в этой находке двух оригинальных и никем не описанных Джучидских монет первой половины XIV века.

Почти одновременно с окончанием этой статьи—через 2—3 недели нам пришлось познакомиться с новыми данными о Мокшинских монетах, изложенными в труде А. А. Кроткова³. Работая в пределах Саратовской и Пензенской губерний и в частности уделяя большое внимание г. Наровчату, он, главным образом, на основании сравнительно значительного количества находимых здесь монет чекана Мухши, признает местоположение последнего вблизи Наровчата. Более подробные археологические разведки и раскопки последних годов дали право А. Кроткову высказать, что „в Наровчате был в XIV в. не какой-либо маленький татарский поселок, а областной улусный центр, именовавшийся г. Мухши (مخشى)“.

Последнее подтверждение этому взгляду он находит в надписи (правда, не особенно ясной) на одной монете хана Кильдибека, заключающей в себе имя города „Нурчай“ или „Нурджа^Т“.

С своей стороны мы признаем подход А. А. Кроткова к разрешению вопроса о местоположении г. Мухши правильным. Быть может, описанная нами выше Мухшинская монета (из находок в Болгарах) явится второю монетою, содержащею в себе название города Наровчата—пока в виде неясного указания в слове نوردت.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ По инвентарю Музейного Фонда Отдела значится под № 497.

² Савельев „Топография кладов с восточными монетами“. СПб. 1846 г., стр. LXVII.

³ „К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства“ (отд. оттиск из „Изв. Общ. обследов. и изучения Азербайджана“, № 5). Баку, 1928 г.

ГРАФИЧЕСКАЯ РЕГИСТРАЦИЯ КАЗАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЗОДЧЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В. В. Егеров.

Наивысшее развитие провинциального зодчества в прошлом приходится на конец XVIII и первую половину XIX в.в. В это время общая реформа государственного управления вызвала усиленное строительство правительственных и общественных зданий, зачастую грандиозных по замыслу и размерам. Такие постройки потребовали вмешательства архитектурных сил столиц. Административные заботы о благоустройстве городов и введение в жизнь института губернских и городских архитекторов послужили к привлечению в провинцию зодчих, нередко талантливых и искусных в своем деле, несомненно оказавших сильное влияние на воспитание местных архитектурных вкусов. И самое главное,—а в этом надо сознаться,—пышный расцвет архитектуры мог получиться только лишь на фоне того общего понимания, любви и интереса к архитектуре, какие наблюдались тогда, пожалуй, во всех слоях городского населения.

На ряду с правительственным строительством в равной мере города обогащались прекрасными в архитектурном отношении частновладельческими постройками, начиная от особняков дворян и купцов вплоть до скромных обывательских домов.

Повышенный темп строительства в ту пору пережила и Казань, чему, надо заметить, в свою очередь, не мало способствовали разрушение города Пугачевым и опустошительный пожар в 1815 году. Во всяком случае Казань в начале XIX века, по крайней мере по отзывам путешественников, производила цельное и художественное впечатление, да об этом еще в наши дни свидетельствуют разрозненные и рассеянные по всему городу памятники зодчества того знаменательного в истории архитектуры времени.

Год от году таких памятников остается все меньше и меньше, и наша очередная задача заключается в том, чтобы выделить и охранить наиболее художественно ценные и наиболее характерные для своей эпохи архитектурные образцы. При выборе для охраны памятников зодчества прежде всего необходимо прислушаться к голосу тех, которые сами строили эти сооружения, и узнать мнения тех, которые когда-то выражали то или иное одобрение построенному, т. е., другими словами,—необходимо пересмотреть как архивные описания, так и старые графические материалы лучших зданий того времени.

Настоящие строки имеют целью подвести итоги только тому оставленному нам наследию, которое носило характер графической регистрации выдающихся зданий и предназначалось для широкого распространения, независимо от того, были ли работы в этом направлении доведены до конца и напечатаны или же остались в стадии замыслов. Не надо забывать, что такого рода наследие нагляднейшим образом раскрывает быт и социальные взаимоотношения рассматриваемой эпохи, дает ясное представление об облике зодчего и об условиях его творчества и, наконец, служит ценным и незаменимым пособием при разрешении вопросов, связанных с охраной и реставрацией памятников.

Вполне естественно, что прежде всего внимание местных работников обратилось на архитектурные памятники старины Казани и Казанского края. Так, в 1827 году губернский архитектор Шмит предпринял весьма важный по значению и кропотливый по выполнению труд—он обмерил и зачертил памятники зодчества древнего Болгара. Результаты работ вылились в издании альбома „Архитектурные чертежи развалин древних Болгар, снятые с натуры archit. А. Шмитом в 1827 г. М. 1832.“ Альбом Шмита, в настоящее время библиографическая редкость, является незаменимым пособием при изучении болгарских памятников и, несмотря на то, что чертежи альбома, может быть, и не так точны в документальном отношении, все же большая ценность их несомненна, как старейшего графического материала по болгарским развалинам.

Почти одновременно с архитектором Шмитом казанский художник В. Турин¹ занялся зарисовкой памятников зодчества г. Казани. Работы Турина опубликованы отдельным

альбомом из восьми листов литографий, под названием „Перспективные виды губернского города Казани, рисованы с натуры, литографированы и изданы В. Туриним. Москва. 1834 г.“. Особая значимость литографий Турина заключается в том, что художник объектом своих зарисовок взял главным образом архитектурные сооружения XVIII и начала XIX в.в. и тем самым как бы подытожил все более или менее значительное, что было выстроено за это время в Казани. В 1885 году любитель и знаток казанской старины Н. Я. Агафонов в дополнение к изданному альбому напечатал в Казани не опубликованные этюды Турина: казанские судебные места, дом казанского военного губернатора, духовную семинарию, Благовещенский собор, хотя надо заметить, что издание Агафонова в художественном отношении, к сожалению, заставляет желать многого.

Вслед за альбомом Турина в свет был выпущен другой альбом, посвященный казанским архитектурным памятникам—альбом работ лектора Казанского Университета Э. Турнерелли: „Виды Казани, рисованные с натуры Эдуардом Турнерелли 2 1839“, которые содержат 15 листов литографий и представляют огромный исторический и художественный интерес. В отличие от Турина, который почти целиком останавливался на изображении памятников гражданского зодчества недалекого прошлого, внимание Турнерелли, наоборот, привлекали памятники глубокой казанской старины и здания культа. Таким образом, оба альбома как бы дополняют друг друга и составляют одно целое, которым отображена была Казань в ее главных памятниках зодчества. Всякая работа по изучению казанского зодчества не мыслится без этих двух ценнейших документов, и невольно познаешь ту огромную роль, какую может иметь своевременная фиксация архитектурных сооружений при дальнейшем обслуживании их.

Казанский пожар в 1815 году, уничтоживший почти всю центральную часть города, вызвал оживление городского строительства, наибольшая интенсивность которого падает на 30-ые годы. Как можно проследить по архивным материалам, заботы местных архитекторов в это время не ограничивались только отстройкой правительственных зданий, но распространялись и на обывательские постройки и, пожалуй, даже в более значительной мере, так как здесь творческие

замыслы зодчих находили ничем не стесненный простор и более благодарную почву. Такое положение дела вызвало появление в эти годы на улицах Казани частных особняков, останавливавших на себе взоры своей незаурядной внешностью и чистотой архитектурных форм. Поэтому очередное мероприятие по графической фиксации архитектурных сооружений включило в свой круг и частное строительство. Любопытны в этом направлении замыслы архитектора Пятницкого, который предполагал составить атлас из „14 чертежей проектов зданий существующих в г. Казани частных обывательских домов, как-то дома казанских купцов: Пудурева, Тиханова и Пискунова и казенное здание пересыльного каземата, в г. Чистополе проект здания присутственных мест, в г.г. Лаишеве и Мамадыше проекты гостиных дворов...“³ Как явствует из последующих слов архивного сообщения, чертежи были выполнены, но дальнейшая участь их остается не выясненной до сих пор, и все же, несмотря на это, приведенный документ представляет глубокий интерес тем, что, во-первых, из него видно, как на ряду с казенными постройками внимание уделено и обывательским зданиям, а, во-вторых,—указания документа послужат отправным пунктом в выяснении архитектурных настроений того времени, выраженных в лучших памятниках зодчества рассматриваемой эпохи.

Большие работы по застройке города после пожара в 1842 году привлекли в Казань группу молодых архитекторов, на долю которых выпала ответственная задача—выстроить в городе ряд крупных зданий правительственного и общественного назначения. Вместе с тем новые зодчие в свои работы вносили новые приемы и творили их в новых архитектурных формах, диаметрально противоположных пониманием старой плеяды казанских мастеров, целиком воспитанных на строгом классицизме. Таким образом в казанском зодчестве в сороковых годах создался резкий перелом, имеющий по одну сторону стильный архитектурный облик города, а по другую—архитектурное оформление уже было обезличено бездушным формализмом Николаевской казенщины. Тем более не безразлично для нас знать тот выбор зданий, который был намечен для включения в альбом, предположенный к изданию одним из новых зодчих—архитектором Х. Крамп. Крамп 5-го июля 1845

года обратился к казанскому губернатору с прошением, в котором пишет: „Имея желание издать в печатание четыре перспективные, архитектурные вида главнейших зданий, как-то: во 1-х военно-губернаторского дома в Кремле, 2-ой гостинного двора, 3-й приказа общественного призрения и 4-й театра с дворянским собранием в. утвержденных к построению здесь в городе Казани, я осмелился бы утрудить в-ше пр-во покорнейшею просьбою и просить мне таковое предприятие разрешить и дозволить приступить к изданию“⁴.

Разрешение было дано, но судьба этого начинания также неизвестна.

Последняя попытка привести в графическую ясность казанские архитектурные сооружения относится к 1846 году, когда с этой целью губернский архитектор Безсонов представил Казанской губернской строительной комиссии обширный и детально разработанный рапорт. В рапорте Безсонова читаем, что основной задачей составления атласа является собрание в нем „всех существующих как в городе, так и в самой губернии строений, состоящих в ведении строительной комиссии, а также некоторых из зданий, принадлежащих частным владельцам, в особенности тем, коих фасады в. утверждены, или которые замечательны своею колоссальностью и изящным вкусом...“⁵) Безсонов справедливо указывает, что „составление атласа в планах и фасадах всем сказанным строениям г. Казани и всех его уездных городов есть дело немаловажное, требующее слишком много времени, и одним лицом, при других срочных занятиях, дело это не может быть окончено ближе 2-х или даже 3-х лет с полною отчетливостью и надлежащею правильностью“, и поэтому он предлагает для выполнения намеченной работы мобилизовать все наличные архитектурные силы строительной комиссии.

Далее Безсонов подробно намечает содержание атласа, который, по его мнению, должен состоять из трех частей. Первая часть атласа рисуется Безсонову в таком виде: „Заглавный или фронтисписный лист должен быть в. конфирмованный план г. Казани и на нем за номерами, литерами или особыми знаками показать в генеральных же чертах планы всех замечательных в городе строений казенных и частных, церквей, мечетей, рынков, базаров, улиц

и площадей, а также и всех строений в состав атласа входящих..... за генеральным планом следовать должны строения казенные, которые находятся в ведении строительной комиссии, в последовательном порядке каждого ведомства особо, как например: 1) планы ведомства гражданского, 2) военных кантонистов и вообще всех тех строений, которые военному ведомству принадлежат, 3) приказа общественного призрения, 4) ведомства гражданского общества, 5) духовного ведомства, 6) ведомства почтового, 7) ведомства комиссариатского и проч., а, наконец, и частных владельцев. Каждое строение в атласе должно быть показано в детальных планах всех его этажей и фасаде лицевом, а если оно угловое, то и боковом; частное же строение должно быть показано по одному только главному фасаду. Планы и фасады строений должны быть в том самом виде, как строение в настоящее время существует". Безсонов рекомендует, чтобы „каждому плану строения в атласе должна предшествовать на листе той же меры и достоинства бумаги подробная опись строения, в виде сдаточной описи с предварительною краткою историческою запискою; она должна сказать: в котором году строение основано, фамилию зодчего, не подвергалось ли строение пожару и сколько раз, и в каких годах, не имело ли значительных ремонтов или перестроек и в каких годах“.

Вторая часть атласа—по Безсонову—„должна заключать в себе: мосты, спуски или с'езды, набережные, водяные резервуары и фонтаны...“ И, наконец, третья часть атласа отводится под „планы и фасады со всех четырех наружных сторон стен Казанского Кремля; планы и фасады всех имеющих в городе гаубтвахт и будок“.

В заключение Безсонов вполне справедливо отмечает, что „составленный таким образом художественный атлас избранным строениям губернского города Казани и всех его уездных городов, по мнению моему, не только вполне отвечать будет цели своего назначения, но даже будет весьма интересен своими замечаниями, некоторым образом как бы историческими“.

Строительная Комиссия, согласившись с основными положениями рапорта Безсонова, отвергла полный объем предполагаемой работы и постановила ограничиться составлением атласа только на здания, находившиеся

в непосредственном ведении главного управления путей сообщения и публичных зданий, т. е. еще более, чем сам архитектор Безсонов, подчеркнула назначение атласа для целей инвентаризации казенных зданий. В конце-концов, все добрые пожелания и хорошие разговоры по поводу составления атласа свелись к обильной канцелярской переписке, в которой без каких-либо остатков погибла и самая мысль об издании.

Закончив проектом Безсонова обзор мероприятий по графической регистрации казанских памятников зодчества, становится очевидным, как первые труды по фиксации сооружений, возникнув в самом начале под обаянием старины и красоты лучших архитектурных произведений, постепенно сводились к сухим практическим задачам, как свободная художественная инициатива шаг за шагом входила в рамки замкнутой казенной инвентаризации и как карандаш художника настойчиво заменялся карандашем чертежника. Но независимо от того, имеем ли мы перед собой художественное произведение или простой чертеж, получили ли замыслы свое осуществление или же оставили лишь след в архивных материалах,—все имеет для нас значение ценных документов, без которых трудно поставить надлежащим образом дело охраны, ремонта и реставрации архитектурных памятников Казани.

ПРИМЕЧАНИЯ.

- 1) П. Дульский. Василий Турин, казанский художник начала XIX в. „Старые Годы“, 1915, Декабрь.
- 2) П. Дульский. Э. П. Турнерелли. Казань. 1924.
- 3) Архив Казанской Губернск. Строит. Комис. Дело 1844 г. № 56.
- 4) „ „ „ „ „ Дело 1845 г. № 195.
- 5) „ „ „ „ „ Дело 1846 г. № 2.

ЗАМЕТКИ ПО ПАМЯТНИКАМ ТССР.

П. Е. Корнилов.

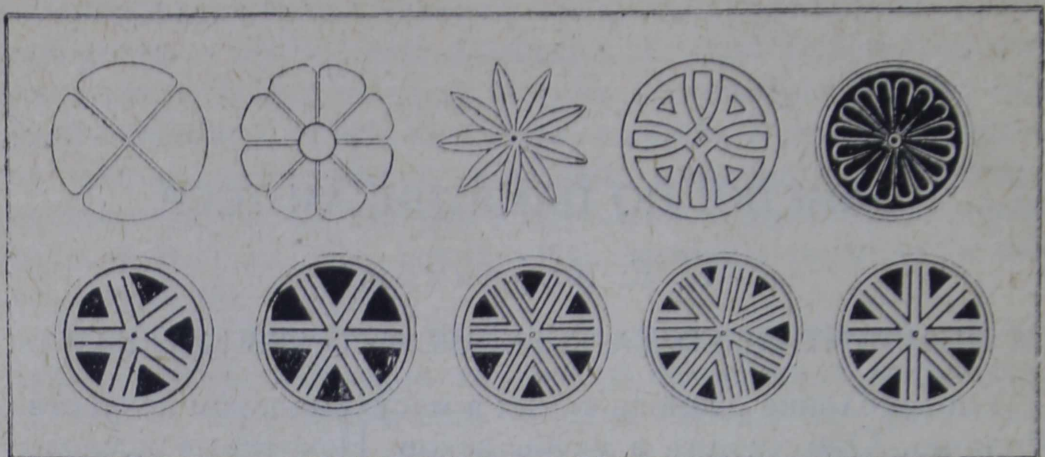
I. К ОРНАМЕНТИКЕ БОЛГАРО-ТАТАРСКОГО РЕЗНОГО КАМНЯ.

Употребление резного камня в мусульманском искусстве обширно. Оно уходит в глубь веков. Некоторые исследователи видят корни его в древней армяно-персидской среде¹, но трудно решить этот вопрос окончательно в условиях незаконченного изучения памятников Востока, разбросанных по всему миру.

На почве нашего Союза резной камень встречается во всех восточных памятниках: Крыма, Азербайджана, Средней Азии, Армении, Дагестана и др. в большом числе памятников, и в значительно меньшем, в нашем Поволжье: Старом и Новом Сарае и Болгарах².

Резной камень болгаро-татарской эпохи редко служил материалом для исследований. Нам известна лишь попытка художника В. И. Корсунцева дать зарисовки и реконструкции некоторых орнаментальных частей болгарской архитектуры³. Попытка очень ценная в виду того, что орнаментика в условиях нашего климата разрушается так быстро, что в настоящее время почти ничего от нее не осталось в наружных частях зданий⁴. Изучению самого вопроса орнаментики резного камня, в частности орнаментики «Малого минарета» в Болгарах посвящена небольшая статья проф. Б. П. Денике⁵.

Эгими попытками и ограничивается все изучение резного камня в наших памятниках. Естественно, что при крайней ограниченности объектов изучения последних в памятниках зодчества Болгар центр внимания в этой области должен перейти к изучению орнаментального камня на эпиграфических надгробных камнях болгаро-татарской эпохи, находимых на всей территории ТССР. Эти памятники, судя по датам, являются произведениями различных эпох; как и всегда, образцы более близкие к нам носят

следы упадочности, а о новых памятниках, изготовленных в наше время, не приходится и говорить; если в них еще налицо традиционная форма, в виде плоской стеллы с закругленным верхом, то сама резьба (она только углубленная) трафаретна и бездарна. Повидимому, забыли совершенно инструментальный инвентарь для обработки камня, и он сведен в наше время лишь к одной стамеске и молотку⁶. Работа производится лишь по мягким известковым породам камня, мастера преимущественно представители мусульманского духовенства, как самые грамотные и образованные люди и знакомые с некоторыми образцами. Орнаментики на этих новых камнях не встречается, и вся плоскость их занята грубыми эпитафиями. Абсолютная неизученность вопроса болгаро-татарской резьбы и наличие крайне недостаточного фактического материала для суждения о ней ставят сейчас перед нами лишь основную и первую задачу в этой интересной и нужной работе—собрание и фиксацию резного камня, и только при наличии достаточного материала может идти речь о построении каких-либо выводов об орнаментальной природе болгаро-татарского резного камня.

Задача настоящей заметки—сделать первый шаг в деле собирания материала по резному камню нашего края. Орнаментальные начала, встреченные на надгробных памятниках, сведены нами к 10-ти схемам (см. приложенный рисунок), начиная от простейших и до сравнительно сложных, но объединенных всех одной общей композицией круга. Если в первом ряду каждая из пяти схем вносит новое

орнаментальное начало, начиная от примитивного четырех-частного деления до пятнадцатилучевой розетки, то во втором ряду лишь наблюдается вариация линейно-радиального деления круга. В смысле какой-либо особой оригинальности данных орнаментальных деталей на болгарско-татарской почве говорить не приходится. Геометрическая орнаментация, исходный пункт которой лежит в композиции круга, широко известна бытовой орнаментике народов Востока, живет там не только в аналогичном материале, но и в металлических изделиях, в деревянной резьбе, вышивке и проч. Средне-азиатские сюзаны (бухарского, самаркандского и ташкентского типа) уснащены подобной орнаментацией, являющейся там основным декоративным мотивом. Этот же орнамент розетки и проч. знаком резьбе большинства народов мира и уходит в глубь веков и бытует до наших дней. Эта орнаментика не культурное достояние какой-либо исторической эпохи того или иного народа, а больше, — явление общечеловеческой культуры на заре пробуждения художественного оформления⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. И. А. Орбели. Мусульманские изразцы. Петербург. 1923 г., стр. 9 и др.

2. Небольшой материал по затронутому вопросу см.: А. Башкиров и У. Боданинский. «Памятники Крымско-татарской старины. Эски-Юрт» — «Новый Восток», № 8—9, 1925, стр. 295—311; И. Н. Бороздин. «Солхат». М. 1926. О. Акчокраклы. «Татарские тамги в Крыму». Симферополь. 1927. «Он же. Старо-крымские и отузские надписи XIII—XV в.в.» Симферополь. 1927; И. Н. Бороздин. «Новые данные по золотоордынской культуре Крыма». М. 1927; О. Акчокраклы. «Новое из истории Чуфут-Кале». Симферополь. 1928. I. М. Бороздин. «До вивчення старокримських надгробків». (Оттиск без указания года и места издания); А. Алекперов. «По искусству Азербайджана. 1. (Могильные памятники в Бузовнах)» — «Известия Общества Обследования и Изучения Азербайджана». № 5—1928: стр. 227—229 + табл.; В. М. Сысоев. «Баку прежде и теперь». Баку. 1928; Проф. Ф. В. Баллод. «Приволжские Помпеи». М.—П. 1923, табл. 27 и текст; А. А. Кротков. «К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства». Баку. 1928.

3. Х. М. «К рисункам В. И. Корсунцева». «Казанский Музейный Вестник», № 5—6, 1920, стр. 86 и др.

4. П. Е. Корнилов. «Охрана памятников ТССР». К. 1928 г. Смотри приложенные репродукции деталей «Четыреугольника».

5. «Орнаментация минарета «Малого Столпа» в Болгарах». «Материалы по охране». ., вып. II, стр. 5—9.

6. Тогда, как например в Средней Азии, искусство резного камня не забыто совсем, а у казаков искусство резьбы по камню живет в хороших формах до сегодня, и мастер-резчик оперирует инструментарием до 10-ти названий. См. об этом статью Е. Р. Шнейдера—«Казакская орнаментика» в издании: «Материалы особого Комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 11». Л. 1927 г., стр. 141—143.

7. Для сравнения см. ахеменидский орнамент (Al. Gayet. *L'art persan*. Paris. 1895, p. 306 p.); арабский (Al. Gayet. *L'art arabe*. Paris. 1893, p. 114); раскопочный материал Афрасиаба, близ Самарканда (В. Л. Вяткин. «Городище Афрасиаб», стр., 33, 37—38, 50 и др.); крымский (В. Гернгросс. «Ханский дворец в Бахчисарае». «Старые годы», апрель, 1912, стр. 6, 20 и др.); киргизский (С. Дудин. «Киргизский орнамент». «Восток», № 5, 1925, стр. 167, 171 и 173); казакский (Е. Р. Шнейдер. «Казакская орнаментика», стр. 165, № 22 и 25, 166 (№ 31) и др.); якутский (Б. Э. Петри. «Народное искусство в Сибири». 1923, стр. 19); великорусский (В. Воронов, «Крестьянское искусство». 1924, стр. 43, 54, 60—61 и др. Он-же. «Народная резьба». 1925, стр. 3, 8 и 10). К сожалению, за неимением в данное время под руками соответствующих печатных материалов не могу продолжить эти указания дальше и показать общность указанной орнаментальной детали от материалов раскопок Самарры в Месопотамии и до резной прялки нашего Поволжья и дальше вглубь веков.

II. КЛАССИЦИЗМ В АРХИТЕКТУРЕ ЧИСТОПОЛЯ.

В служебные поездки в Чистопольский кантон ТССР в 1927—28 г.г. нам пришлось бегло ознакомиться с кантонным городом, интересовавшим нас с культурно-исторической стороны, как некий организм в своем целом. Следует отметить из этих беглых впечатлений одну любопытную сторону, бросившуюся нам в глаза,—это наличие в архитектуре города элементов классической архитектуры. Каких-либо особенно редких сооружений архитектуры там нет, но общая печать на оформлении зданий—эпохи середины XIX века любопытна. Своеобразие переработки классики столиц и других центров выразилось в любопытных деталях, напр. в разбивке фасадов пилястрами с капителями, украшение входных проемов колонками и т. п.; в деревянном зодчестве это еще своеобразнее—там можно проследить террасы в виде открытых лоджий, особые конструкции мезонинов и т. п. Любопытно здесь проследить взаимоотношения русского и татарского деревянного зодчества. Все детали так любопытны и своеобразны, что необходимо их фиксировать для научной разработки и понимания «провинциального» стиля классики, ибо они так далеки от своих начальных образцов, что, подчас, их можно рассматривать, как нечто совершенно своеобразное. Особенно это важно теперь: при явно выраженном интересе к познанию провинциальной архитектуры в современном искусствоведении¹. Если наблюдения над типичными проявлениями исканий в архитектуре Чистополя были крайне беглы (за отсутствием времени), то все же могу остановиться на двух памятниках Чистополя,—одно монументальное сооружение—Никольский собор а другое—особняк Кантонного Комитета Партии. Как то, так и другое безусловно заслуживают внимания. Никольский собор, расположен на удивительно выгодном месте (угол ул. К. Маркса, 2), виден издали, по пути с пристаней. Основание его относится к 1838 г. (В 1901—1902 г.г. был обновлен)². Собор

крестообразный в плане, имеет три четырехколонных портика (западный, повидимому, частично заложен при обновлении), с восточной стороны портик заменен четырехугольным пристроем с пилястрами; завершен собор пятиглавием на высоких барабанах с большими закругленными сверху окнами. Центральный барабан украшен пилястрами коринфского ордера и поясками с балясинами под окнами (балясины имеются и на остальных барабанах). Колокольня трехъярусная расположена над западным портиком и украшена в первом снизу ярусе пилястрами, а во втором — колонками, 3-й ярус круглый в плане имеет четыре оконных круглых проема с фронтончиками. Завершение дано в отличие от остальных пяти куполов (полусферической формы) в виде вазы-урны, увенчанной небольшим шаром и крестом³.

Строгий профиль колокольни и всего храма делает этот памятник одним из лучших церковных сооружений эпохи классицизма в СССР. Интересным дополнением этого памятника является каменная ограда (с трех сторон), сложенная из кирпича на высоком цоколе с круглыми колонками, между которыми удивительно стройная решетка, состоящая из вытянутых эллипсов, а наверху вертикально стоящих прутьев. Углы были значительно утолщены (типа пилонов), с трехчетвертными колонками, а наверху были водружены опоковые вазы-урны.

Мы не строим догадок об авторе этого памятника, ибо по наведенным справкам имеется план собора, и мы уже заручились обещанием получить его на просмотр и изучение, как будет он отыскан⁴. Вообще следует вернуться к этому памятнику для детального обследования. Внутри собор имеет новую обработку стен и ничего интересного не представляет.

Вторым не менее интересным, но еще более своеобразным памятником является деревянный особняк на Базарной (Архангельской) ныне улице Володарского, б. д. Мясникова, ныне Канткома Партии. Это сооружение, порожденное к жизни теми же классовыми представителями, что дали жизнь самому городу, но иная задача стояла перед зодчим. Если в первом монументальном сооружении, соборе, все рассчитано на общественное внимание классовой верхушки, то здесь — все интимно и рассчитано на узкий круг

семьи и ее нужд. Все удобно, под руками, а главное так характерно для вкусов своего времени и м. б. отдаленно, но напоминает хорошие, виденные образцы. Просторный дом с массой окон, по главному фасаду, выходящему в сад, к улице, украшен четырехколонным, ионического ордера портиком. Фронтон украшен тремя венками, по карнизу идут модульоны. Простота и строгость антаблемента! Портик, подвышенный на несколько ступеней от земли, по сторонам имеет фигуры львов. По дворовому боковому фасаду здание имеет два этажа, к дому дальше вплотную примыкают хозяйственные постройки со стрельчатыми окнами. Перпендикулярно к дому, но в некотором отдалении расположены службы, напоминающие манеж-конюшни с окном, широкими решетчатыми воротами и любопытной вышкой посредине четырехскатной кровли.

Много зелени (березы и осины)—все это придает поэтическую романтику, столь пышно воспетую в литературе «дворянских гнезд» прошлого. Но и нам, чутко прислушивающимся к современности и участникам современной жизни, не следует забывать ценность подобных памятников прошлого, так мало сохранившихся до наших дней (большею частью по вине самих владельцев) и мало изученных как с бытовой стороны, так и историко-художественной. Следует озаботиться детальным изучением этого особняка и принятием его на учет как Музейным Отделом ТССР, так и Главнаукой РСФСР. (См. рис. 1).

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. А. Греч. «Деревянный классицизм». «Сборник Общества изучения русской усадьбы», вып. 2—3, 1928 г., стр. 9—22.

С. В. Безсонов. «Калужский деревянный амбир». Калуга. 1928 г., стр. 30.

Н. А. Кожин. «Русская провинциальная архитектура». Ленинград. 1928 г., стр. 30.

Архитектор Михаил Петрович Коринфский. 1788—1851. К. 1928 г., стр. 41.

С. В. Безсонов. «Усадьба Панское». М. 1929 г., стр. 31 и др. изд.

2. Проект «рассмотрен и одобрен по журналу Совета путей сообщения и публичных зданий 21 Декабря 1834 года № 3017», а «Святейшим Синодом рассматривался 8 Февраля 1835 года».

3. Проектировано было другое завершение, в виде высокого шпица на сферическом основании.

4. Присланная краткая выписка с плана указывает следующее: «Составлен Комиссией проектов и смет по журналу 19 Декабря 1834 г. и по записях (?) тогож числа № 1576. Генерал лейтенант Дмитриевский, старший Архитектор А. Мельников (?), Надворный Советник Г. Шарлеман (?), Майор Богданович 2-ой, Архитектор—(подпись неразборчива)». Внизу надпись: «Переделывал Архитекторский помощник Василий Морган 18^{XI}₁₆34 ». За это сообщение приношу благодарность Заведующему Чистопольским Музеем А. К. Буличу, а за фото В. Д. Авдееву.

III. РАБОТА ОТДЕЛА В 1928 ГОДУ.

По независящим от Отдела причинам в 1928 году не удалось развернуть работу по ремонту кремлевских стен (в местах обвала облицовок) и проч. восстановительных работ в том масштабе, который намечался планом, но все же небольшие работы по поддержанию памятников ТССР были осуществлены.

Спасская башня, освобожденная от часовни и позднейших доделок в сезон 1927 года, была летом 1928 года выбелена за два раза. Расчистки слоев красок не дали желаемых результатов, а допустимая окраска для этой эпохи в два тона, красный и белый, не могла быть осуществленной по техническим соображениям, и тогда невольно было принято решение окрасить башню в белый колер. Последнее было поддержано и Центральными Государственными Реставрационными Мастерскими и Разрядом зодчества ГАИМК. Окрашенная в этот тон башня приобрела удивительную легкость и стройность на фоне белых стен Кремля и неба. Крайне дождливое лето 1928 г. не дало возможности окрепнуть побелке, и поэтому местами, особенно по сторонам шатра, просвечивает прежняя оранжево-розовая краска.

Не была закончена целиком разборка позднейших приделок к галлерее ц. Алексия (нач. XVIII в.) в Зиланте, но все деревянные части были удалены.

Весною пришлось в срочном порядке произвести восстановление надгробной усыпальницы академика А. М. Бутлерова, в деревне Бутлеровке, Чистопольского кантона. Эти работы были рассчитаны так, чтобы их закончить к началу июня месяца, когда в Казани должен был открыться Менделеевский съезд химиков, созданный в 100-летнюю годовщину академика Бутлерова. Работа здесь была несложная—необходимо было восстановить нарушенные детали на фасаде, укрепить дверные и оконные проемы, покрыть железной кровлей с окраской на четыре ската и выбелить внутреннюю часть усыпальницы. При непрерывной дождливой погоде эти—крайне простые работы продолжались свыше двух

недель. Восстановленный памятник был по акту передан под охрану объединенного сельсовета Бутлеровки и Арбузова. За этими работами пришлось наблюдать пишущему эти строки, с каковой целью дважды выезжать на место. Восстановительные работы зафиксированы фото-снимками.

Другие незначительные ремонтные работы вызывались насущной необходимостью и носили такой простой характер, что о них нет необходимости и говорить здесь.

Кроме этих работ Отделу пришлось принять участие в археологических разведках на территории ТССР, предпринятых Акадцентром ТНКП и Институтом Народов Востока в Москве, при участии проф. А. С. Башкирова и И. Н. Бороздина. Основное внимание было отдано разведкам и шурфовке в Билярске, Чистопольского кантона, затем беглая разведка была произведена близ Чистополя, на Джуке-Тау. Здесь кроме бытовых археологических находок были обнаружены в валу Билярска остатки сооружения неизвестного назначения, разрытого лишь фрагментарно.

Разведки в Кремле в Казани дали менее яркие результаты; были произведены разведки в урочище Старой Казани и близ него. Ценнейшие материалы бытовой археологии находятся в процессе изучения, и надо думать, что будет осуществлена в ближайшее время подробная публикация о разведках, а пока участниками работ проф. А. С. Башкировым и И. Н. Бороздиным¹ даются в «Материалы» настоящего выпуска абрисы этих работ по двум разделам: Билярску и Казанскому Кремлю. Эти эскизные наброски вводят читателя в ту археологическую ситуацию, которая впервые предстала перед глазами как местных краеведов, так и иногородних ученых, обративших свой взор к Волжско-Камскому краю, богатому историческим прошлым.

По делам охраны памятников пишущий эти строки совершил кратковременные поездки в Болгары для ежегодного инспекторского осмотра и в Тетюши для осмотра Музея и фиксации надгробного памятника с древне-армянской надписью вывезенного из с. Красной Поляны². Там же была осмотрена усадьба Людоговка (быв. владение помещиков Сазоновых), в двух километрах от Тетюш, ныне находящаяся в пользовании Племхоза. К детальному описанию этой усадьбы мы намерены вернуться позднее, поэтому здесь ограничимся лишь констатированием, что ис-

пользование этой усадьбы производится недостаточно полно и внимательно. Прекрасный парк—превращен в пастбище, а излишняя часть комнат дома обращена в склад мочала, зерна и проч. Надо расширить эксплуатационную сторону и приблизиться к более рациональному использованию не в ущерб хозяйственной стороне и вверенного владения. (См. рис. 2).

Посещение быв. Семиозерной пустыни было вызвано предполагаемыми ремонтно-восстановительными работами там, но которые не были осуществлены в виду ликвидации монастырской общины. Посещение Раифы—дало возможность яснее представить состояние и разрушение этого любопытного загородного памятника с целым ансамблем храмовых, гражданских и крепостных сооружений. Приходится поставить на очередь поддержание этого интереснейшего архитектурного сооружения, особенно после ликвидации монастырской общины и установления там Раифского Заповедника. Подобные поездки по ТССР детально знакомят с памятниками, степенью их сохранности и возможной охраной и поддержанием последних.

Из других работ Отдела следует отметить продолжение фото-фиксации памятников, уточнение списка памятников ТССР, углубление изучения некоторых из них ³, а также устройство выставки архитектурных работ казанского зодчего М. П. Коринфского (1788—1851), довольно подробно ознакомившей с интересным творчеством этого незаурядного зодчего ⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. См. об этом «Новый Восток», № 23—24 и 25.
2. «Записки Тетюшского Музея». Казань. 1927. I, стр. 14—16.
3. См. В. В. Егерев «Архитектурные впадины на болгарских памятниках зодчества»—«Известия О-ва Археологии, Истории и Этнографии», т. XXXIV, вып. 1—2, стр. 126—131.
4. «Архитектор Михаил Петрович Коринфский. 1788—1851». Казань. 1928. Отдел по делам Музеев и охраны памятников ТССР. 16⁰, стр. 41+I нен. 400 экз.

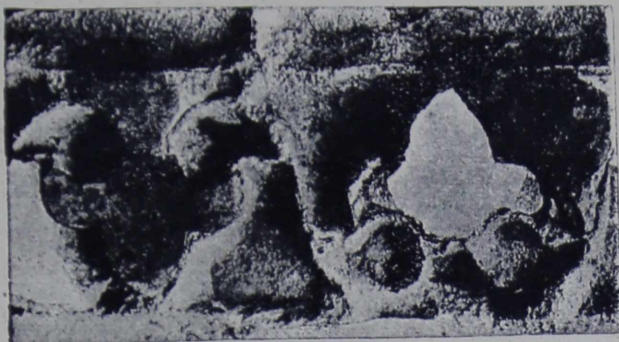
3

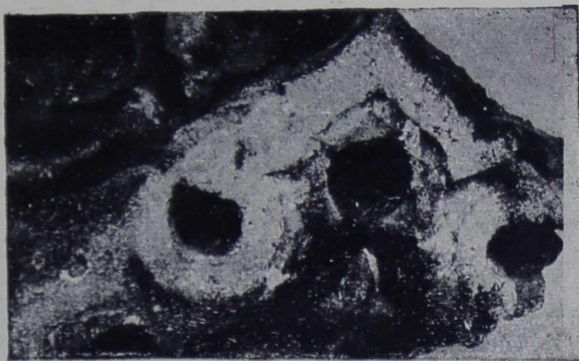
4

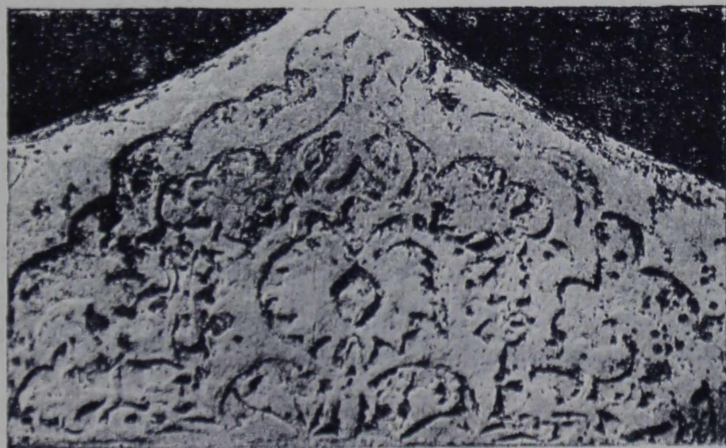
1

2

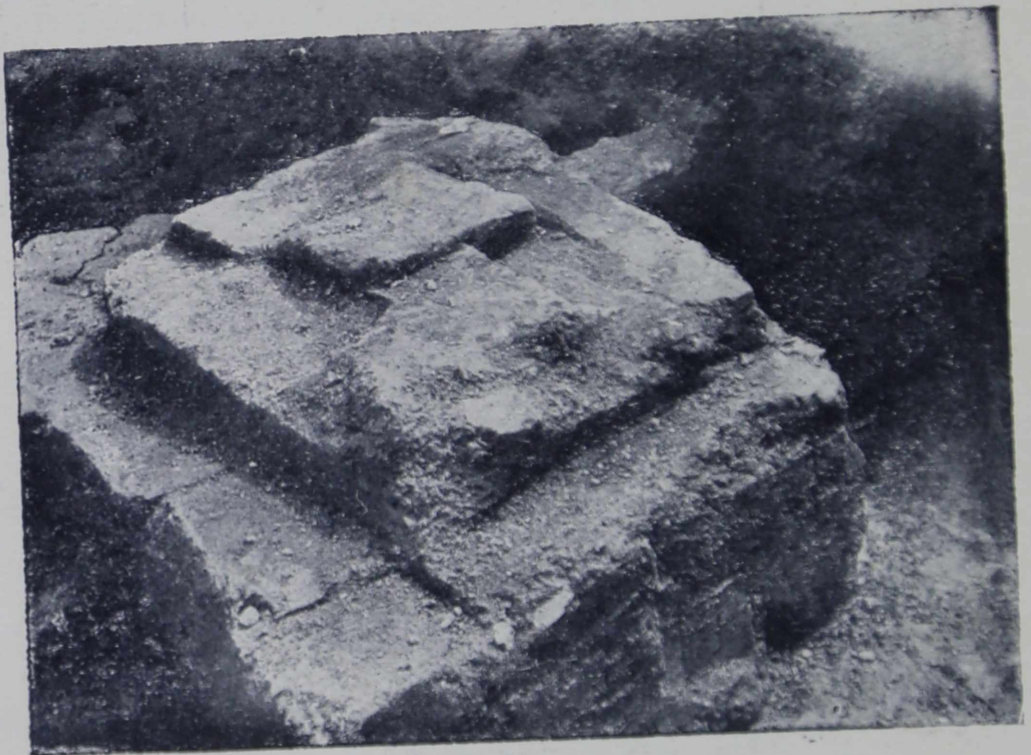
3

4

1

2

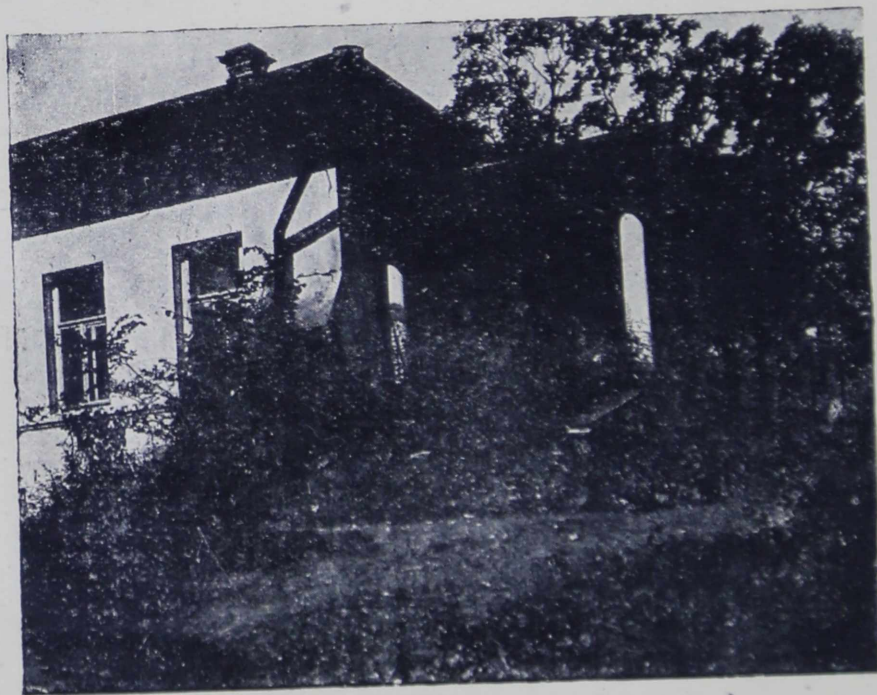
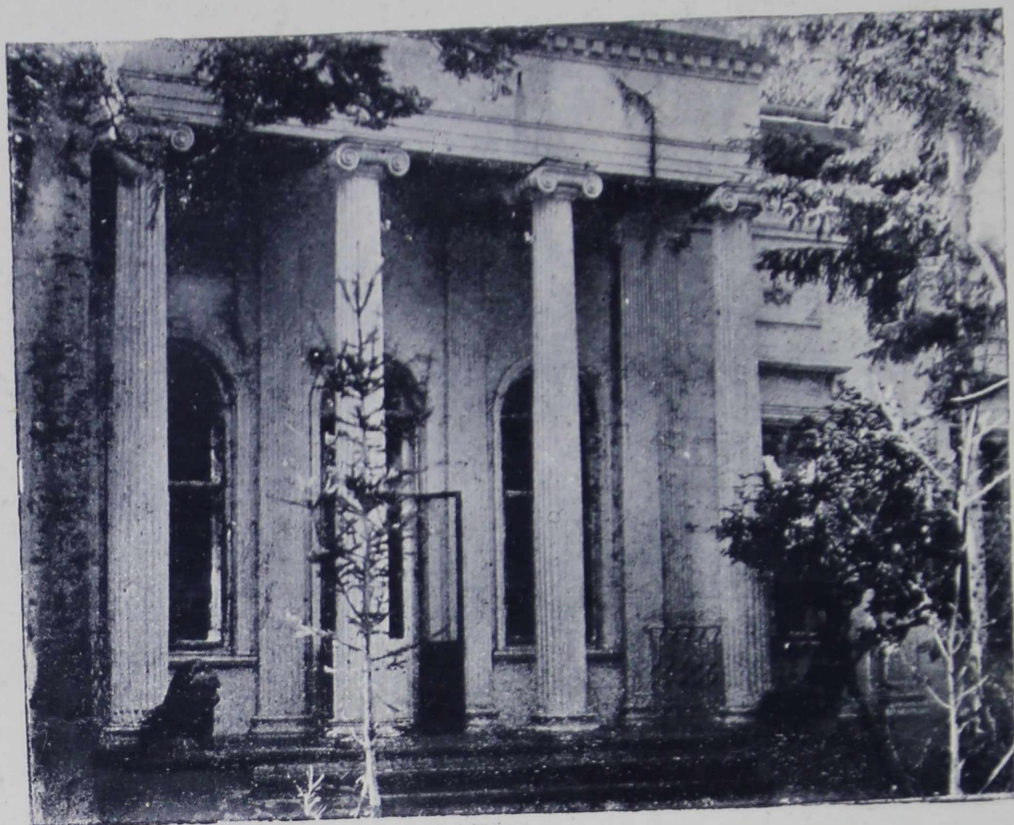

1

2

К ст. П. Е. Корнилова.

13
~~Ц. 1 р. 20 к.~~

МОИ
вып. № 14

ИЗДАНИЯ ОТДЕЛА:

1. Объявление и правила осмотра галеры „Тверь“. К. 300 экз.
2. Н. И. Лобачевский в Казани. Памятка к 100-летию со дня открытия им неевклидовой геометрии. 1326—1926. К. 1926 г., 16⁰, стр. 29+3 нен.+4 иллюстрации. 350 экз.
3. В. В. Егерев. Внутреннее архитектурное убранство зданий г. Казани. К. 1927 г., 16⁰, стр. 23+1 нен.+6 иллюстраций. 500 экз.
4. П. Е. Корнилов. Памятник волжского судоходства—галера „Тверь“ XVIII в. К. 1927 г., 16⁰, стр. 31+1 нен. (с иллюстрациями). 500 экз.
5. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Первый выпуск. Казань. 1927 г., 8, стр. 54. 2 таблицы с 8 рисунками+2 нен. 500 экз.
6. П. Е. Корнилов. Охрана памятников ТССР (1917—1927 г.г.). К. 1928 г., 8⁰, стр. 14+2 таб. илл. 200 экз.
7. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Второй выпуск. К. 1928 г., 8⁰, стр. 83+3 таблицы с 23 рисунками+2 нен. 500 экз.
8. Архитектор Михаил Петрович Коринфский. 1783—1851. К. 1928 г., 16⁰, стр. 41+1 н. н.+1 таб. + портрет. 400 экз.
9. Открытое письмо—„Башня Сююмбеки в Казани“. (Оригинальная ксилография П. А. Шиллинговского). 1928 г. 500 экз.

Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы при Академическом Центре Татнаркомпроса. Казань. Площадь 1-го мая, д. № 2/3, кв. 25.
